

Cover

Henrik Berthold, Friedrich Huneke (Hrsg.)

**„Auf den Strömen der Erinnerung ...“ – Kriegsgefangenschaft und Gulag
im russischen und deutschen Gedächtnis.**

Sommeruniversität Hannover – Perm (August 2012)

Katalogband zur Fotoausstellung

Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e.V.

Leibniz Universität Hannover

Hannover / Perm 2013

Хенрик Бертольд, Фридрих Хунеке (Издатель)

**«По рекам памяти...» - военнопленные и узники ГУЛАГа в памяти
русских и немцев.**

Летний лагерь Ганновер – Пермь (август 2012)

Каталог к фотоотчету

Всегерманский союз по уходу за военными захоронениями

Ганноверский Университет имени Лейбница

Ганновер / Пермь 2013

Impressum

© Selbstverlag:

Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e.V.,
Landesverband Niedersachsen,
Wedekindstraße 32, 30161 Hannover
<http://www.volksbund.de>

Leibniz Universität Hannover, Historisches Seminar,
Im Moore 21, D-30171 Hannover
<http://www.hist.uni-hannover.de>

Das Werk einschließlich aller Abbildungen ist urheberrechtlich geschützt. Jede Verwertung außerhalb der Grenzen des Urhebergesetzes ist ohne Zustimmung der Herausgeber unzulässig und strafbar. Das gilt insbesondere für Vervielfältigungen, Übersetzungen, Mikroverfilmungen und die Einspeicherung und Bearbeitung in elektronischen Systemen.

Übersetzung: Elena Eirich, Svetlana Emeljanova, Nadezhda Poponina; Elena Mitueschowa, Daria Antonowa, Jevgenia Kruglikowa, Ksenia Kozhevnikova
Abbildungsrechte: Bei den namentlich aufgeführten Fotografen (siehe Bildlegenden)

Titelbild: Foto in der Gedenkstätte Lager Perm 36, Fotograf und grafische Gestaltung: Henrik Berthold.
Einbandgestaltung, Satz und Layout: Henrik Berthold.

Импрéссум

© Всегерманский союз по уходу за военными захоронениями
Отделение Земли Нижняя Саксония
Ведекиндстрассе 32, 30161 Ганновер
<http://www.volksbund.de>

Университет имени Лейбница, Ганновер
Исторический факультет
Им Мооре 21, 30171 Ганновер
<http://www.hist.uni-hannover.de>

Данное издание, включая изображения, защищено авторским правом. Любое использование за пределами авторского права или с его нарушениями и без согласования с издателем считается недействительным и наказуемо. Особо это касается размножения, переводов на другие языки, снятия на пленку, сохранения и обработки на электронные носители и системы.

Перевод: Елена Айрих, Светлана Емельянова, Надежда Попонина, Елена Митуешова, Дарья Антонова, Евгения Кругликова, Ксения Кожевникова
Авторское право на фотографии и изображения принадлежит указанным фотографам в примечаниях к фотографиям
Фото на титульной странице: Мемориал Пермь 36. Фотограф и графика: Хенрик Бертольд
Художественное оформление издания: Хенрик Бертольд

Inhalt

<i>Friedrich Huneke</i> : Zur Einführung in die Ausstellung	S. 10
Die Projektpartner	S. 20
Katalogteil	
Moskau:	S. 30
Memorial in Moskau – die Archive der Opfer bewahren	
„Es waren ja bekannte Regisseure, Schauspieler, Künstler – im Gulag ...“	
„Finden Sie mir Wahrheit, mein Vater wurde 1937 verhaftet ...“	
30. Oktober – Tag der Opfer politischer Repression	
Skulpturenpark „Muzeon“ – Park der gefallenen Denkmale	
Perm:	S. 56
Zugfahrt und erste Begegnung in Perm	
Andrey Bushmakov : Die Region Perm in den 1940er Jahren	S.60
Arbeitsfelder von Memorial – Recherchen im Archiv	
Perm: Zeitzeugeninterviews	
Benedikt Funke, Svea Lehmann : Bericht über Angelina Bushueva (*1936)	S. 66
Benedikt Funke, Svea Lehmann : Bericht über Zelma Germanovna Chebykina (*1937)	S. 72
„NKWD-Gefängnis Nr. 2“ – Puppentheater – Museum?	
Dobryjanka – eine Stadt, vier Gedenkorte	
Andrej Konjuchow – Schicksal eines Vermissten	
VS-389/36 – Speziallager für 2besonders gefährliche Staatsverbrecher“	
Gremjatschinsk – einen vergessenen Erinnerungsort kennzeichnen	
Jörg Schgalin : Exkurs – „Deutsch-Russisches Kriegsgräberabkommen“	S. 106
Rafting – Camping – Gedankenaustausch	
Uswa – das einsame Tal und der Schacht	
„Auf den Strömen der Erinnerung ...“ – Der deutsche Kriegsgefangene Klaus Sasse	
Muis – ein ehemaliger Verbannungsort	
Perm – Abschied	
Nachtreffen der deutschen Studentengruppe in Weimar: Stätten der Klassik, Orte des Terrors	
Danksagungen an Förderer, Unterstützer und Helfer	S. 136

Содержание

Фридрих Хунек: Вступительное слово к выставке	стр. 10
Партнёры проекта	стр. 20
Каталог	
Москве:	стр. 30
Мемориал в Москве – сохранение памяти о жертвах	
«Это были известные режиссеры, актеры и им подобные – и все в ГУЛАГе ...»	
«Помогите мне найти правду, моего отца арестовали в 1937...»	
30 октября – День памяти жертв политических репрессий	
Парк скульптуры «Музеон» - парк снесенных памятников	
Пермь:	стр. 56
Поездка на поезде и первые встречи в Перми	
Андрей Бушмаков: Пермский край в 1940-х гг.	стр. 60
Области деятельности «Мемориала» – работа в архиве	
Пермь: интервью с очевидцами того времени	
Бенедикт Функе, Свея Лейманн: О судьбе Ангелины Бушуевой (*1936)	стр. 66
Бенедикт Функе, Свея Лейманн: О судьбе Зельмы Германовны Чебыкиной (*1937)	стр. 72
«Тюрьма НКВД №2» – Кукольный театр – Музей?	
Добрянка – один город, четыре места памяти	
Андрей Конюхов – судьба пропавшего без вести	
ВС-389/36 – Спецлагерь для «особо опасных политических преступников»	
Гремячинск – обозначить забытое место памяти	
Йорг Шкалин: Экскурс «Германо-Российское соглашение о военных захоронениях»	стр. 106
Сплав – палаточный городок – обмен мнения	
Усьва – одинокая долина и шахта	
«По рекам памяти...» - Немецкий военнопленный Клаус Зассе	
Мыс – бывшее место ссылки	
Пермь: прощание	
Встреча немецкой группы в Веймаре: центр классики, места террора	
Благодарим всех спонсоров, поддержавших и помощников	стр. 136

Vorwort

Der vorliegende Katalogband und die Fotoausstellung „Auf den Strömen der Erinnerung ...“ gingen aus einer gemeinsamen deutsch-russischen Sommerschule im August 2012 hervor.

20 russische und deutsche Studentinnen und Studenten machten sich im August 2012 in der Region Perm gemeinsam auf die Suche nach Spuren der Gewalt im 20. Jahrhundert. Nach dem Ende des Kalten Krieges ergreifen diese jungen Russen und Deutschen heute die Chance, gemeinsam Lehren aus den Spaltungen der Geschichte zu ziehen. Sie befragen Zeitzeugen und dokumentieren deren Erinnerungen. Sie wirken mit den Formen der Zivilgesellschaft an einer gemeinsamen Gedenkkultur mit. Das Aufbrechen der bipolaren politischen Ordnung hat in Europa Prozesse des erinnerungspolitischen Austausches neu belebt, es hat Erinnerungsspuren in West und Ost neu sichtbar gemacht und für öffentliche Gedenkrituale freigelegt, aber auch fortdauernde Spaltungen des Gedächtnisses offengelegt und neue Tabuisierungen unbequemer Vergangenheiten provoziert.

Träger dieser Begegnung waren vier Institutionen: Der Volksbund deutscher Kriegsgräberfürsorge e.V., Memorial in Moskau und Perm, das Staatliche Institut für Kunst und Kulturwissenschaften in Perm und das Historische Seminar der Leibniz Universität in Hannover.

Die Fotoausstellung zeigt, mit wie viel Sachverstand, Offenheit und Lebensfreude junge Menschen zum Gedankenaustausch zusammentreffen und an einer gemeinsamen Erinnerungskultur arbeiten können.

Введение

Представляемый Каталог и отчет- фотовыставка «По рекам памяти...» представляют результаты совместного германо-российского летнего лагеря, прошедшего в августе 2012 года.

20 российских и немецких студентов и студенток отправились в августе 2012 в Пермский край, чтобы совместно отыскать и исследовать свидетельства эпохи тоталитаризма – 20 столетия. После окончания «холодной войны» молодые люди России и Германии воспользовались шансом, совместно сделать выводы из противоречий истории. Они опрашивали очевидцев, записывали их воспоминания и совместно работали, создавая новые формы общей культуры сохранения памяти современного гражданского общества.

Слом биполярного политического порядка по-новому оживил процессы историко-политического обмена в Европе, осветил по-новому общие темы сохранения памяти в Восточной и Западной Европе, освободив дорогу общественным проявлениям в её формах и ритуалах, при этом спровоцировав устранение проблемы застарелого длительного разделения культуры памяти и запретов на неудобные темы прошлого. Организаторами этих встреч стали четыре организации: Всегерманский союз по уходу за военными захоронениями, российская общественная организация по защите прав человека Мемориал в Москве и Перми, Пермский государственный институт искусства и культуры и Исторический семинар Университета имени Лейбница г. Ганновер.

Отчет-фотовыставка показывает, насколько компетентно, с какой открытостью и жизнерадостностью могут встречаться молодые люди, чтобы обмениваться мыслями и совместно работать над общей культурой сохранения памяти.

„Auf den Strömen der Erinnerung“
Sommeruniversität Hannover - Perm (August 2012)

Staatliche Hochschule für Kunst
und Kulturwissenschaften, Perm

Historisches Seminar
LU Hannover

Volksbund Deutsche
Kriegsgräberfürsorge e. V.

Memorial, Perm

1a) Die deutschen und russischen TeilnehmerInnen der Sommerschule Hannover – Perm (August 2012) in Gremjatschinsk.

(Foto: H. Berthold)

1a) Немецкие и российские участники летнего лагеря Ганновер – Пермь (август 2012) в Гремячинске.

(Фото: Х. Бертольд)

„Auf den Strömen der Erinnerung ...“ – Kriegsgefangenschaft und Gulag im russischen und deutschen Gedächtnis.

Friedrich Huneke (8.3.2013)

Sehr geehrte Damen und Herren, liebe Teilnehmerinnen und Teilnehmer der Sommerschule Hannover – Perm!

Die Einführung zur Ausstellung möchte ich mit einem aktuellen Zitat beginnen, das Sie zunächst überraschen wird.

Der vor wenigen Tagen verstorbene Kinderbuchautor Otfried Preußler, geboren 1923, war von 1944 bis 1949 Kriegsgefangener in Russland, in Jelabuga am Ufer der Kama, nicht weit von Perm, wo unsere russischen und deutschen Studenten einander fast 70 Jahre später begegneten. Wer kennt nicht Preußlers sozial engagierte „kleine Hexe“ oder die Versuchung einer Gruppe Jugendlicher durch dunkle Mächte in „Krabat“? Der Autor äußerte sich in einem Interview der Zeitschrift Focus (Nr. 40/2008) ganz typisch auf die Frage, ob eigene Erlebnisse in seinen Jugendroman „Krabat“ Eingang gefunden hätten:

„Preußler: Sie haben Recht. Diese jungen Burschen, das waren wir – im Lager. Ich war (nach damaligem Recht) noch nicht volljährig,

als ich 1944 in Bessarabien für fünf Jahre in russische Gefangenschaft kam. Ich hatte Typhus, Malaria, Fleckfieber. Irgendwann war ich auf 40 Kilo abgemagert, da bin ich in meiner Verzweiflung unter einem Zaun auf das Lazarett zugekrochen, direkt in die Arme einer jüdischen Ärztin.

Und die sagte, Herr Leutnant, wie schau'n Sie denn aus?

Und hat mich erst mal kahlgeschoren und in die [Bade-]Wanne gesteckt. Sie weinte und erzählte, ihr Sohn – in meinem Alter – sei in meinem Frontabschnitt gefallen.

FOCUS: *Haben Sie nie daran gedacht, Ihre Erlebnisse im Lager literarisch aufzuarbeiten?*

Preußler: *Nein, was diese Dinge angeht, haben wir uns in Schweigen gehüllt. Und ich habe mir bewusst gesagt: „Du schreibst für Kinder.“ In den letzten Jahren allerdings ... habe ich meine Erlebnisse aufgeschrieben. Aber das bekommt vorläufig niemand zu sehen. Erst wenn ich tot bin.“*

Was ist so typisch an Preußlers lebenslangem Schweigen und seiner späten Erinnerung? Zum einen

schwiegen viele ehemalige Kriegsgefangene fast ihr Leben lang – aus Schmerz, weil sie traumatische Kriegserlebnisse nicht verarbeiten konnten, weil ihre Erinnerung in der Zeit des Wirtschaftswunders – und später: der Entspannungspolitik – zum Tabu wurde, und für viele muss auch persönliche Schuld an Verbrechen der Wehrmacht zutreffend gewesen sein.

Zum zweiten hebt Preußler am Ende seines Lebens im Jahre 2008 die lebensrettende Hilfe durch eine jüdische, russische Ärztin aus seiner Erinnerung hervor. Nach dem Ende des Kalten Krieges zeigen Interviews mit ehemaligen Kriegsgefangenen, das oftmals mit dem zeitlichen Abstand das Bedürfnis wächst, in der Rückschau über die eigene Betroffenheit hinaus andere Perspektiven in die eigene Erzählung und Sinndeutung der erlebten Zeitgeschichte einzubeziehen. Dazu später mehr.

Das Beispiel von Preußler sollte uns zeigen, dass die Erinnerung heute neu in Perspektiven eingebunden werden kann. Damit sind wir beim Thema unserer Sommeruniversität.

Im Folgenden möchte ich kurz:

- das Programm der Sommerschule vorstellen und unser Thema, die Suche nach einer gemeinsamen Erinnerungskultur. Dazu werde ich
- Aspekte des Gulag-Lagersystems skizzieren und auf
- das Thema deutscher und russischer Kriegsgefangenschaft eingehen.
- Der Arbeit der russischen Bürgerrechtsorganisation Memorial kommt dabei besondere Bedeutung zu.

Im Resümee kehre ich zur Frage der Erinnerungskultur zurück.

1. Zum Programm unserer Sommerschule

Die Exkursion hatte das Ziel, die Chancen für eine Aufhebung der Spaltung Europas in einen westlichen und einen östlichen Erinnerungsraum ein wenig zu erkunden.

Wir besuchten ehemalige politische Haftlager, Verbannungsorte und Orte deutscher Kriegsgefangenschaft in der Region Perm sowie die Gedenkstätte Perm 36. Einige dieser abgelegenen Orte im

Flusssystem der Kama sind heute schwer zugänglich gelegen. An den zerfallenden Orten fahren Wassertouristen heutzutage als Sommergäste achtlos vorbei. Deshalb hat Memorial Perm das Gedenkkonzept entwickelt, diese Stätten bei Katamaranfahrrten zu besuchen und dort Kennzeichen zu errichten, so dass die einstigen Lagerorte und ihre Friedhöfe als Kulturlandschaft dokumentiert werden und erkennbar bleiben.

Im *Veranstaltungsteam* kooperierten verschiedene Institutionen: das Historische Seminar der Leibniz-Universität Hannover stellte den Kontakt zu Forschung und Studenten her. Der Volksbund Deutscher Kriegsgräberfürsorge e.V. hat das Netzwerk seiner Ansprechpartner und seine Erfahrungen vermittelt. Die russische Bürgerrechtsorganisation Memorial hat in Moskau und Perm ihre Arbeit eingebracht. Das Institut für Kunst und Kulturwissenschaften in Perm stellte seine Unterkünfte, Räume und Forschungskontakte zur Verfügung.

Das Projekt wurde u.a. vom *Parlament der Region Perm* und dem

niedersächsischen Landtag bezuschusst.

Die *Arbeitsformen* umfassten deutsch-russische Workshops in Perm, eine mehrtägige Flussfahrt zu ehemaligen Lagerorten, Zeitzeugengespräche, Mitwirkung an der Gedenkkultur, und die gemeinsame deutsch-russische Fotodokumentation, die zum 8. März 2013 in Hannover und voraussichtlich auch in Perm ausgestellt wird.

Teilnehmerinnen und *Teilnehmer* waren 10 russische und 11 deutsche Studentinnen und Studenten.

2. Aspekte des Gulag-Lagersystems

Ich komme nun zu den einzelnen Themen der Exkursion. Über die Auswirkungen des Gulag-Systems berichteten uns zwei Zeitzeuginnen.

Angelina Bushueva wurde 1936 geboren. Ihre Familie geriet als Pastorenfamilie aufgrund ihrer Religiosität in den Fokus der Repressionsorgane. Angelinas Vater wurde während des großen Terrors (1938) erschossen, wie die Familie später erfuhr. Sie verbrachte mehrere Jah-

re in staatlichen Kinderheimen und in einem Lager in Kasachstan.

Als Angelina später, als resolute ältere Dame, in der Zeit der Perestroika, von einem Treffen für Betroffene des Gulag hörte, ging sie hin und wurde Gründungsmitglied von *Memorial Perm*.

Die Vorfahren von Zelma Germanovna Chebiekina (*1937) waren niederländische Mennoniten. Nach dem Überfall der deutschen Wehrmacht auf die Sowjetunion am 22. Juni 1941 wurde Zelmans Familie mit anderen, deutschen Mennoniten* aufgrund ihrer „nicht russischen Identität“ verfolgt und verbannt. Die Männer mussten in der Arbeitsarmee dienen. Zelma wurde am Kriegsende der Kollaboration bezichtigt und mehrfach deportiert. Trotzdem zeigt sie heute stolz die Orden, die ihre Familie aufgrund ihres patriotischen Einsatzes zur Verteidigung der Heimat später erhalten hat.

Der Repressionsapparat, unter dem unsere Zeitzeuginnen litten, hat eine komplexe Geschichte. Im Jahr 1923 übernahm die OGPU, die Geheimpolizei, auf den Solo-

wjezki-Inseln im Weißen Meer die ersten Lager zur „Besserung durch Arbeit“¹, die zum Modell des Gulag werden sollten.

Am 11.7.1929 verabschiedete der Rat der Volksbeauftragten einen Erlass „zum Zweck der Besiedlung“ entlegener Regionen, „um ... die natürlichen Rohstoffe zu erschließen“.

Von groß angelegten Besserungsarbeitslagern, die in entlegenen Regionen einzurichten waren, sollte die Besiedlung der umliegenden Gebiete ausgehen. Vorzeitig entlassene Häftlinge sollten dort in die „freie Ansiedlung“ überführt werden.²

Auf Beschluss des Rates der Volkskommissare vom 7.4.1930 erhielt die Lagerverwaltung der OGPU wenig später den Status einer Hauptverwaltung: GULAG der OGPU. Damit waren nach dem Ende der „Neuen ökonomischen Politik“ im ersten Fünfjahrplan des planwirtschaftlichen Systems schlagkräftige Verwaltungsstrukturen geschaffen,

¹ Memorial international (Hrsg.): Das System der Besserungsarbeitslager in der UdSSR. 1923-1960. Moskau 1998, Berlin 2006, S. 9, 12.

² Memorial (2006), S. 19, Anm. 5.

um Großprojekte wie 1931 den Baubeginn des Weißmeer-Ostsee-Kanals durch die Gulag-Hauptverwaltung mit einem riesigen Strom von Arbeitskräften zu versorgen, und Ende 1931 wurde die Bauverwaltung der OGPU übergeben – die Häftlingsverwaltung wurde zum Bauleiter des gesamten Projekts. Dieses Modell machte Schule.

Kehren wir in die Region Perm zurück. Wir konnten dort die Folgen der genannten Entwicklungen sehen:

- Die Gemeinde Dobrjanka erinnert mit einem Gedenkstein an die Opfer der politischen Repression.
- Als „Lager in tiefster Einöde...“ bezeichnete der Dissident und Häftling Wladimir Bukowskij in seinen Memoiren 1978 die „Besserungsarbeitskolonie“ ITK 6, die 1943/46 bei dem Dorf Kussino aufgebaut wurde. Nach Stalins Tod wurde das Lager nicht – wie viele andere – geschlossen, sondern zu einem Lager für „besondere Zwecke“, in das zu Beginn der 1970er Jahre eine neue Gene-

ration politischer Häftlinge eingewiesen wurde – darunter bekannte Dissidenten wie Sergei Kowaljow (*1930), der später zum Menschenrechtsbeauftragten der Regierung Jelzin wurde. Zur verschärften Geheimhaltung erhielt das Lager 1972 die neue Code-Bezeichnung VS-389/36. Daraus leitete Memorial für die heutige Gedenkstätte die Bezeichnung Perm 36 ab.

- Uswa: In dieser Bergarbeitersiedlung lebten verbannte deutschstämmige Sowjetbürger. Links und rechts des Flusses Uswa liegen solche Siedlungen. Der alte Schacht, in dem viele Anwohner selbst einst Zwangsarbeit verrichten mussten, ist heute eine Ruine.
- Muis ist ebenfalls ein ehemaliger Verbannungsort. Ein Dorfbewohner, der Russlanddeutsche Iwan Milenberg, gab uns Auskunft. Er zeigte uns einen Brief von Verwandten aus Deutschland – wie einen Talisman hielt er das Schriftstück in Händen. Die Dorfeinsamkeit

wird heute durch eine Straßenanbindung mit Bushaltestelle ein wenig unterbrochen – andere Verbannungsorte sind nach dem Ende des politischen Zwangs verlassen worden und wüst gefallen.

Resümierend konnten wir feststellen, wie sehr die Region Perm bis heute von den Folgen des Gulag-Lagersystems geprägt ist. Die reizvolle, romantische Weite der Landschaft ruft deshalb auch nachdenkliche Stimmungen hervor.

3. Kriegsgefangenschaft – Fakten aus der Region Perm, Wandel der Erinnerungskultur

Das gilt auch für das Phänomen der Kriegsgefangenenlager und ihrer Grabstätten. Zunächst ein paar Fakten.

Im Gebiet Perm (1940-57: Molotow) sind sechs Kriegsgefangenenlager nachgewiesen, jeweils mit verschiedenen Zweiglager, über einen Zeitraum von 8 Jahren, und mit einer Belegungszahl von mindestens 80.000 deutschen Kriegsgefangenen.³

³ Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge (Hrsg.) et al: Orte des Gewahrsams von deut-

Sowjetische Quellen erfassen für die Region Perm 35 Lagerfriedhöfe mit insgesamt etwa 1.300 Grabstellen für deutsche Kriegsgefangene.

Die Arbeitstätigkeiten für Kriegsgefangene konnten sehr unterschiedlich sein: Forstarbeiten zur Holzgewinnung, Bergbau, Petrochemie, Hausbau und Papierindustrie gehörten dazu. In Perm stehen noch heute öffentliche Gebäude, die von Kriegsgefangenen errichtet wurden, als Sühne für die Verwüstungen der Kriegsjahre.

Für uns ging es vor allem um Kriegsgräberstätten, die u.a. nach dem deutsch-russischen Kriegsgräberabkommen von 1992 als mahnende Gedenkkorte erhalten werden müssen.

Im Archiv in Perm fanden wir Akten der Sowjetzeit, die strenge Regeln zur Anlage von Friedhöfen dokumentieren. Die Verstorbenen sollten nicht in Massengräbern beerdigt werden, sondern in ihrer Kleidung in gekennzeichneten Einzelgräbern. Berichte deutscher Kriegsgefangener bestätigen diese

schen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941-1956), Findbuch. Dresden u.a. 2010, S. 99-102, Nr. 88, 96, 207, 341, 346 und 366.

Angaben vielfach.

Aber es ist nicht sicher, ob die Regeln immer befolgt wurden. Und die Kennzeichnung geschah wohl nur mit einfachen Holzbrettchen.

An den Orten, die wir besucht haben, konnten wir mit Hilfe von Archivadokumenten und Erzählungen der Einheimischen solche Friedhöfe finden.

So haben wir zum Beispiel in Dobrjanka die Fläche des Friedhofs von Unrat befreit. Seit 2011 waren mit Hilfe der Gemeinde ein neuer Zaun und eine Gedenktafel errichtet worden, die Memorial in Dobrjanka finanzierte.

In Gremjatschinsk bestanden von 1945-47 mehrere Kriegsgefangenen-Zweiglager, und am Ortsrand entstand ein kleiner Lagerfriedhof. Die Bergbaustadt wuchs seit ihrer Gründung 1941 und die deutsche Kriegsgräberstätte wurde mit einer Schule überbaut, die mit dem Niedergang des Bergbaus aufgegeben wurde. In Gremjatschinsk hatten wir leider keine finanzielle Unterstützung. So haben wir die Gräberstätte gekennzeichnet, indem wir ein großes Kreuz aus Ziegeltrüm-

mern des Schulbaus auf dem Boden legten.

Auch in der Stadt Perm gibt es Kriegsgräberstätten, an die man heutzutage nicht mehr erinnert. Diese Flächen wurden als Fußballfeld, Parkplatz oder anderweitig überbaut. Es stellt sich die Frage, ob die Errichtung eines Friedensmahnmals für die deutschen Kriegsgefangenen in Perm anzustreben ist.

Das Thema der Kriegsgefangenschaft scheint heute ins Vergessen zu geraten. Im Jahr 1950 erklärten dagegen 40 Prozent der Befragten Bundesbürger, von der Kriegsgefangenenfrage unmittelbar berührt zu sein – kein Wunder, denn jeder dritte erwerbsfähige deutsche Mann war Heimkehrer aus der Kriegsgefangenschaft.

Im Westdeutschland der Nachkriegszeit entstand ein öffentlicher Diskurs über die Kriegsgefangenschaft, der von politisch gewünschten Faktoren geprägt wurde. Elke Scherstjanoi nennt die Distanzierung zur eigenen nationalsozialistischen Vergangenheit, das Bekenntnis gegen den Kommunismus und

gegen den Staat Sowjetunion.⁴

Dieses Narrativ des Kalten Krieges geriet jedoch in der Zeit der Entspannungspolitik der 1970er Jahre ins politische Abseits. So wurde eine große, 15bändige, empirische Dokumentation zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen 1962-1974 nur in kleiner Auflage abgeschlossen. Es sei angemerkt, dass ihr Herausgeber, Professor Erich Maschke, sich vor seiner eigenen Kriegsgefangenschaft als Historiker der „völkischen Geschichte der deutschen Rückwanderung in den einst germanischen Osten“ und als wissenschaftlicher Berater im Amt Rosenberg eigentlich kompromittiert hatte.

Scherstjanoi zweifelt jedoch, ob sich die individuellen Erfahrungen der Heimkehrer tatsächlich auf die genannten einfachen Formeln bringen lassen.

in den Jahren 2005 bis 2008 führte die Historikerin Interviews mit ehemaligen Kriegsgefangenen der Geburtsjahrgänge 1920 bis 1928

⁴ Scherstjanoi, Elke (Hrsg.): Russlandheimkehrer. Die sowjetische Kriegsgefangenschaft im Gedächtnis der Deutschen. Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, München 2012.

durch, die als junge Männer oder Kindersoldaten in den Krieg gekommen waren. Ihre Erinnerungsbilder sind von öffentlichen Diskursen und späteren persönlichen Sinnbildungsprozessen geformt, dürften aber im Kern auf tatsächlichen Erlebnisinseln beruhen.

Ein Beispiel. Der Arzt Karl F. (geb. 1921) erklärt zum häufig wiederkehrenden Motiv vom freundlichen russischen Mediziner im Kriegsgefangenenlager zunächst plakativ: Das könne gut sein. Einmal habe er einen ausgesprochen sympathischen, russischen Lagerarzt gehabt – aber auch Ärztinnen, „die waren eiskalt. Die waren ablehnend uns gegenüber, während der [sowjetische Arzt] Scharin [...] freundlich und verbindlich mit uns redete. [...] Ich liebe die große russische Seele und ich hasse das politische System [der Sowjetunion]. [...]“⁵

Karl F. kam 1949 also voller Hass aus der Kriegsgefangenschaft. Aber auf die Frage nach dem Ziel heutiger Erinnerungsdebatten antwortet er im Jahr 2005, es müsse „die Unmoral eines Eroberungskrieges“ deutlich gemacht werden. Es

⁵ Scherstjanoi, a.a.O., S. 183.

scheint Karl F. gelungen zu sein, seine alte Erinnerung partiell an eine neue, selbstkritische Sinndeutung anzuschließen.

Resümee

Zum Abschluss meiner Ausführungen möchte ich damit zum Erinnerungsbegriff zurückkehren.

Die Kulturwissenschaftlerin Aleida Assmann weist zur Frage einer europäischen transnationalen Gedächtnisgemeinschaft auf eine zunehmende öffentliche Anerkennung der Leiden der jüdischen Opfer des Nationalsozialismus in den westlichen Nationen Europas hin, während die Erinnerung an die Opfer des Stalinismus allenfalls auf der Ebene einzelner Nationen verblieben sei. Als Ursache dieser ungleichen Entwicklung stellt sie fest, dass sich die Nachfolgestaaten der UdSSR nicht nachhaltig genug zu diesen Verbrechen bekannt und die Verantwortung dafür nicht in ihr historisches Gedächtnis aufgenommen hätten.⁶

⁶ Assmann: 27. Januar 1945. In: François, Etienne (Hrsg.): Erinnerungstage. Wendepunkte der Geschichte von der Antike bis zur Gegenwart. München 2010, S. 319-334, hier S. 328.

Und in der Tat ist festzustellen, dass die staatliche Erinnerungspolitik in Russland die Verbrechen des Gulag und seine Folgen heute weniger beachtet als in den 1990er Jahren. Die Bürgerrechtsorganisation Memorial wird mehr behindert als gefördert. Der Bundestagserklärung zur Stärkung von Zivilgesellschaft und Rechtsstaatlichkeit in Russland vom 6. November 2012 und ihrem Angebot einer Modernisierungspartnerschaft ist hier in diesem Punkt Erfolg zu wünschen.

Man möchte auf etwas anderer Ebene hinzufügen, dass im bundesdeutschen Bewusstsein wiederum die nichtjüdischen Opfer des nationalsozialistischen Rasse- und Eroberungskrieges im Osten trotz fundierter fachwissenschaftlicher Forschung eigenartig gesichtslos bleiben. Deshalb haben wir für den russischen Kriegsgefangenen Andrej Konjuchow, der im Lager Sandbostel starb, einen Namensziegel angefertigt und mit seinen Nichten in Perm Kontakt aufgenommen.

Es geht also darum, Ansätze zur Überwindung der geteilten Erinnerungsräume zu stärken. Dabei

kann es nicht zu einer arithmetischen Aufrechnung der Opferzahlen kommen – vielmehr weisen die Empathie mit den Opfern jeglicher Gewalt und der Wert der Menschenwürde den Weg. Historikerteams erforschen die Perspektiven und Wandlungsprozesse der Erinnerung nach dem Ende des Kalten Krieges gemeinsam. Und Studenten aus Russland und Deutschland erfahren die Begegnung als Normalität.

Die Erinnerung hat eine neue, offene Zukunft.

Schließen möchte ich mit einem Wort der Zeitzeugin Angelina Bushueva. Wir wollten die Geschichte ihrer Verfolgung im Gulag erfahren, aber die erste Frage richtete die resolute alte Dame an uns: „Wieso möchtet ihr meine Geschichte hören?“ ---

Erst nachdem wir unser ernsthaftes Interesse an ihrer Lebensgeschichte glaubhaft gemacht hatten, begann sie zu erzählen.

Erlauben Sie es mir also, diese Frage abzuwandeln und an sie zu richten: „Wieso möchten Sie die

Geschichte von Angelina – und die anderen Geschichten dieser Ausstellung – hören und sehen?“

«По рекам памяти...» - военнопленные и узники ГУЛАГа в памяти русских и немцев.

Фридрих Хунеке (08.03.2013)

Уважаемые дамы и господа!
Уважаемые участники летнего лагеря Ганновер – Пермь!

Своё вступительное слово к открытию выставки я хотел бы начать с несколько необычной цитаты.

Недавно скончавшийся детский писатель Отфрид Пройслер, 1923 года рождения, с 1944 по 1949 годы находился в плену в России, в Елабуге, на берегу Камы, недалеко от Перми. Недалеко от тех мест, где встречались немецкие и российские студенты почти 70 лет спустя. Кто из нас не знаком с социально активной «Маленькой Бабой-Ягой» Пройслера или с попытками группы мальчишек побороть темные силы в романе «Крабат»? На вопрос журнала «Фокус» в 2008 году о личном, о пережитом в романе «Крабат» автор отреагировал типично:

«Пройслер: Вы правы. Эти мальчишки – это были мы в лагере. По законам того времени я был несовершеннолетним, когда в 1944 году попал в Бессарабию на пять лет в

плен. Я болел тифом, малярией и сыпным тифом. В какой-то момент я исхудал до 40 килограммов. Тогда я, полный отчаяния, подполз к забору у лазарета и буквально упал в руки еврейской женщины-врача.

Она воскликнула: «Господин лейтенант, что случилось, как Вы выглядите?»

Она сначала выбрила меня наголо, а затем положила в ванну. Она плакала и рассказывала, что её сын моего возраста погиб на том же участке фронта, где служил и я.

Фокус: *Вы когда-нибудь думали о том, чтобы издать Ваши воспоминания о пережитом в лагере?*

Пройслер: *Нет. Что касается этих вещей, мы как бы закрылись в своем молчании. И я твердо себе сказал: «Ты будешь писать для детей.» Но впрочем, в последние годы... я все-таки записал мои воспоминания. Но пока этого никто не увидит. Только после моей смерти.»*

Что такого типичного в прижизненном молчании Пройслера и его поздних воспоминаниях, спросите Вы?

Во-первых, многие бывшие военнопленные молчали почти всю жизнь, потому что – это было больно, потому что они не могли до конца переработать страшные воспоминания о войне, потому что их память во времена экономического чуда и позднее политики спокойного развития стали своеобразным табу, были под запретом и еще и потому что многим надо было осознать личную вину за их участие в тех преступлениях.

Во-вторых, в конце своей жизни в 2008 году Пройслер выделяет из всех воспоминаний спасительную помощь еврейской, русской женщины-врача. После окончания холодной войны из многих интервью с бывшими в плену военнопленными стало ясно, что по прошествии времени у них часто возникает потребность, оценивая личную трагедию, смотреть на неё с другой перспективы, давая оценки и определяя значения пережитого

с другой позиции. К этому еще позднее несколько слов.

Пример Пройслера показывает нам, что культура сохранения памяти обусловливается многими факторами. Таким образом мы подошли к теме нашего летнего лагеря.

Я хотел бы коротко представить программу и тему летнего лагеря – поиск направлений совместной культуры по сохранению памяти. При этом я коснусь аспектов системы ГУЛАГа и темы немецкого и русского плена. Работа российского бюро по правам человека Мемориал приобретает в этом плане особое значение.

В конце я вернусь к теме культуры сохранения памяти.

1. О программе летнего лагеря

Главной целью поездки стала попытка оценить шансы снятия деления европейского пространства по сохранению памяти на западное и восточное.

Мы посетили бывшие лагеря для политических заключенных, места ссылки и лагеря для немецких военнопленных в Пермском

крае, а также мемориал Пермь 36. Некоторые из этих отдаленных мест, лежащих в системе реки Камы, сегодня почти недоступны. Туристы проплывают летом по рекам мимо заброшенных разрушающихся поселений, не замечая их. Поэтому Общество Мемориал Пермь разработало программу и проложило катмаранские маршруты к таким местам, чтобы установить там памятные знаки, чтобы задокументировать лагеря и кладбища при них и сделать их видимыми. В команде организаторов совместно работали различные организации. Исторический семинар Университета имени Лейбница (Ганновер) наладил контакты с учеными и студентами. Всегерманский союз по уходу за военными захоронениями представил своих партнеров и свой опыт работы в этой области. Российская общественная организация по защите прав человека Мемориал организовала работу в Москве и Перми. Пермский государственный институт искусства и культуры предоставил свои помещения и контакты

с исследователями.

Кроме того, проект поддержали и профинансировали Законодательное собрание Пермского края и Парламент Земли Нижняя Саксония.

Формы работы включали рабочие семинары в Перми, многодневный спуск по реке к бывшим местам расположения лагерей, опросы очевидцев тех лет, совместную работу по сохранению памяти и совместную немецко-российскую выставку-фотоотчет, которую мы сегодня открываем в Ганновере и которая предположительно будет показана в Перми.

Участниками летнего лагеря стали 10 российских и 11 немецких студентов и студенток.

2. О системе лагерей ГУЛАГа

Я хотел бы коснуться отдельных тем поездки. О влиянии и последствиях лагерной системы ГУЛАГа нам рассказали двое очевидцев того времени.

Ангелина Бушуева родилась в 1936 году. Её семья попала в поле внимания репрессивных

органов по религиозным убеждениям как семья служителя церкви. Отец Ангелины был расстрелян во время великого террора (1938), как позднее узнала семья. Она сама провела долгие годы в детском доме, а затем в лагере в Казахстане.

Когда будучи уже пожилым человеком во времена Перестройки Ангелина услышала о встрече пострадавших от системы ГУЛАГа, она стала одним из основателей *Мемориала Пермь*.

Предки Зельмы Германовны Чебыкиной (*1937) были менонитами из Голландии. После нападения Вермахта на Советский Союз 22 июня 1941 года семья Зельмы вместе с другими немецкими менонитами из-за их «нерусской идентичности» подверглась преследованиям и была насильственно переселена. Мужчин забрали в Трудармию на принудительные работы. В конце войны Зельму обвинили в коллаборационизме и несколько раз депортировали. Но несмотря ни на что, она с гордостью показывает ордена, которыми позднее

была награждена её семья за патриотическое служение Родине. Репрессивные органы, от действия которых пострадали очевидцы, имеют сложную историю. В 1923 году ОГПУ – секретная полиция – переняло первые лагеря на Соловецких островах в Белом море для «исправления работой» (Мемориал, стр. 9, 12), ставшие моделью ГУЛАГа.

11 июля 1929 года Совет народных депутатов издал указ «О целях заселения» отдаленных регионов для «добычи природных ископаемых».

Предполагалось, что многочисленные исправительные трудовые лагеря, расположенные в отдаленных регионах, станут отправными пунктами, откуда пойдет заселение и освоение окружающих территорий. Заключение, отпущенные на свободу раньше срока заключения, должны быть расселены в «свободных поселениях».

По заключению Совета народных депутатов от 7 апреля 1930 года управление лагерями ОГПУ позднее стало называться Глав-

ным Управлением Лагерями: ГУЛАГ ОГПУ. Тем самым по окончании «новой экономической политики» в первую пятилетку планового хозяйствования были созданы мощные управленческие структуры для реализации больших проектов. Таких как строительство в 1931 году Беломор-Канала, для которого ГУЛАГ сначала поставлял рабочую силу, а затем в конце 1931 года управление строительством канала было полностью передано в ведение ОГПУ – ГУЛАГ стал руководить стройкой. Эта модель закрепилась надолго.

Но вернемся в Пермский край. Мы смогли увидеть там последствия выше указанной политики руководства:

- В деревне Добрянка памятный камень напоминает о жертвах политических репрессий.
- «Лагерем в глубокой глуши...» называет диссидент и бывший заключенный Владимир Буковский в своих мемуарах 1978 года исправительно-трудовую колонию ИТК 6, которая была построена в 1943-46 годах у

деревни Кузино. После смерти Сталина лагерь, в отличие от многих других лагерей, не был закрыт, а стал лагерем для «особых целей», в котором к началу 70-ых годов содержалось новое поколение политических заключенных. Среди них был и известный диссидент Сергей Ковалев (*1930), ставший позднее уполномоченным по правам человека в правительстве Ельцина. Для усиления статуса секретности лагерь получил в 1972 году новое кодовое обозначение ВС-389/36, откуда и было взято Обществом Мемориал позднее название мемориала Пермь 36.

- Усьва: в этом поселении шахтеров жили депортированные советские граждане немецкого происхождения. По обоим берегам реки располагались такие поселения. Старая шахта, в которой многие жители поселка исполняли принудительные работы, сегодня лежит в руинах.
- Муис тоже является бывшим местом ссылки. Житель дерев-

ни – российский немец Иван Миленберг – рассказал нам о том, что уединённая деревня связана с внешним миром единственной дорогой, а здесь в деревне есть автобусная остановка. Другие места ссылки после окончания политических репрессий были оставлены жителями и разграблены. При этом Иван показывает нам письмо от родственников, проживающих в Германии. Он держит письмо в руках как талисман.

В результате мы поняли, насколько сильно в Пермском крае еще сегодня видны последствия работы лагерной системы ГУЛАГа. Впечатляющие романтические дали ландшафта вызывают на этом фоне особое философское настроение.

3. Плен – факты из Пермского края, перемены в культуре сохранения памяти

И это тоже феномен лагерей для военнопленных и кладбищ при этих лагерях. Но сначала несколько фактов.

В Пермской области (1940-1957: Молотов) было шесть лагерей для военнопленных, действовавших на протяжении 8 лет, каждый имел дочерние лагеря. В них содержалось минимум 80.000 немецких военнопленных.

В советских источниках есть данные о 35 лагерных кладбищах в регионе Перми с общим числом захороненных 1.300 немецких военнопленных.

Военнопленные выполняли различные работы. Они работали на лесоповале, в шахтах, в нефтехимическом производстве, строили дома и делали бумагу. В Перми до сих пор стоят здания, построенные немецкими военнопленными как искупление за разорение во время войны.

Для нас было важно найти военные захоронения, которые по Российско-Германскому соглашению от 1992 года по военным захоронениям должны быть сохранены как места памяти.

В пермском архиве мы нашли документы советского времени со строгими предписаниями к кладбищам. Умерших нельзя

было хоронить в массовых захоронениях, а только в отдельных могилах с обозначением места могилы. Каждого хоронили в его одежде. Это подтверждают и многочисленные рассказы немецких военнопленных.

Но, к сожалению, эти правила соблюдались не всегда: так на месте захоронения часто ставили только простую деревянную досочку.

В местах, которые мы посетили, с помощью архивных документов и рассказов местных жителей мы находили такие кладбища.

Так например, в Добрянке мы освобождали территорию кладбища от мусора. С помощью управы и жителей деревни в 2011 году здесь был поставлен забор и памятная доска, профинансированные Мемориалом.

В Гремячинске с 1945 по 1947 годы располагались многочисленные отделения лагерей для военнопленных. На окраине поселения было организовано небольшое лагерное кладбище. С момента своего основания в 1941 году шахтерский город рос

и развивался и на месте немецкого военного захоронения была построена школа. С закрытием шахты была закрыта и школа. В Гремячинске мы, к сожалению, не получили финансовой поддержки. Место захоронения мы смогли отметить только выложив на земле крест из кирпичей, взятых из развалин школы.

Также и в самом городе Пермь есть сегодня военные захоронения, о которых забыли. На этих местах располагаются футбольные поля, парковочные места или другие сооружения. Возникает вопрос о необходимости возведения в Перми памятника и организации общего места памяти немецких военнопленных.

Сегодня создается впечатление, что тема военнопленных забыта. Совершив небольшое путешествие во времени. В 1950 году 40% опрошенных граждан Федеративной Республики подтвердили, что они напрямую связаны с вопросом военного плена. И это не удивительно. Так как каждый третий трудоспособный немецкий мужчина вернулся из военного плена.

В Западной Германии послевоенного времени под давлением желаемых политических факторов возникла общественная дискуссия о военнопленных. Эльке Шерстяная называет это попыткой отстраниться от собственного национал-социалистического прошлого, и своеобразный протест против коммунизма и Советского государства.

Этот казус холодной войны был отеснен во времена спокойного развития в 70-ые годы на периферию политических дискуссий. Так большое, 15-ти томное эмпирическое собрание исследований истории немецких военнопленных 1962-1974 гг. вышло только малым тиражом. Стоит отметить, что его издатель, профессор Эрих Машке тем самым собственно скомпрометировал сам себя перед своим прошлым военнопленного, исследователя «народной истории немецкого возвращения на исконно германский восток» и научного советника при Розенберге.

Э. Шерстяная сомневается при этом, можно ли накладывать индивидуальные переживания

вернувшихся домой на упрощенные формулы.

В 2005-2008 годах историк проводила опросы бывших военнопленных 1920-192 годов рождения, которые попали на войну молодыми парнями или как дети-солдаты. Картины в их памяти формируются по воздействием общественных дискуссий и поздних личных перипетий жизни, но строятся все же в своей основе на действительных, реальных переживаниях.

Один пример. Врач Карл Ф. (*1921) объясняет сначала появление постоянно повторяющегося мотива о добром русском враче в лагере для военнопленных как демонстрацию: это могло быть. Однажды он встретил необыкновенно симпатичного русского врача в лагере, но женщины-врачи... «вот они были холодные. Они отстранялись от нас, в то время как (советский врач) Шарин [...] разговаривал с нами тепло и по-доброму. [...] Я люблю широкую русскую душу, но я ненавижу политическую систему (Советский союз). [...]»

Карл Ф. вернулся в 1949 году из плена полон ненависти. Но на вопрос о целях сегодняшних дебатов об истории он ответил в 2005 году, они (дебаты) должны вскрыть «аморальность завоевательных войн». Думается, Карлу Ф. удалось совместить свои старые воспоминания параллельно с новым самокритичным пониманием момента.

Заключение

В заключении хочу вернуться к термину памяти.

Культуролог Алейда Ассманн указывает к вопросу о европейской транснациональной памяти на растущее общественное признание страданий еврейского народа от национал-социалистов у западноевропейских народов, в то время как память о жертвах сталинизма остается делом отдельно взятых народов. Как одну из причин этого неравновесия она указывает, что государства, появившиеся после распада СССР, недостаточно признаны как жертвы этих преступлений и поэтому еще не сформировалась ответственность в исторической

памяти.

И действительно, становится очевидным, что в государственной исторической политике сегодняшней России преступления ГУЛАГа и их последствия имеют менее значимое место, чем в 90-ые годы. Деятельность общественной организации по правам человека Мемориал встречает все больше препятствий, чем находит поддержку и помощь. Заявлению федерального правительства Германии по усилению гражданского общества и правового государства в России от 6 ноября 2012 и его предложению в партнерстве по модернизации в этом пункте можно только пожелать успехов.

Хотелось бы добавить, что также и в немецком, и на федеральном уровне, сознании не признаются другие, нееврейские, жертвы нацистской расовой и завоевательной войны на востоке, несмотря на научные исследования в этой области. Поэтому мы изготовили именную табличку русского военнопленного – Андрея Коныхова – погибшего в лагере Зандбостель и встретились с его

племянницами в Перми.

Речь идет о том, чтобы усилить предпосылки к преодолению разделения на пространства памяти. При этом не должно все сводиться к арифметическому подсчету жертв с каждой из сторон. Скорее умение осознанного сопереживания жертвам любого вида насилия и ценность человеческого достоинства должны стать указателями на этом пути. Коллективы историков изучали перспективы и процессы сохранения памяти по окончании холодной войны. И студенты из России и Германии оценили эти процессы как нормальные.

Культура сохранения памяти стоит перед новым открытым будущим.

Закончить хотелось бы словами Ангилины Бушуевой. Мы хотели услышать историю преследования её семьи в ГУЛАГе. Но свой первый вопрос задала степенная дама нам: «Почему Вы хотите услышать мою историю?»

Только после того, как мы проявили серьезный интерес к её

жизненной истории, она начала рассказывать.

Разрешите же и мне, переадресовав этот вопрос, задать его Вам: «А почему Вы хотите узнать историю Ангилины и другие истории, рассказанные в этой фотовыставке?»

Die Projektpartner | Партнёры проекта

Staatliches Institut für Kunst und Kulturwissenschaften Perm.

Das Institut wurde 1975 gegründet. Wir verfügen aktuell über 16 Studienfächer mit 23 Teilbereichen. Die wissenschaftliche Forschung der Professoren und Dozenten bezieht sich vor allem auf historische und kulturelle Entwicklungen in den Territorien und unter den Völkern des Ural.

Ein besonderes Interesse gilt der Untersuchung kultureller Grundlagen, der Kulturpolitik und dem Schutz von Kulturgut.

Weitere Forschungsschwerpunkte des Instituts bilden die darstellenden Künste und Psychologie der Kreativität. Die Forschungsergebnisse in diesem Bereich wurden insbesondere in den Jahren 1997 bis 2005 in zahlreichen internationalen Konferenzen, Symposien und Kongressen diskutiert.

Zur Zeit verfügt das Institut über die folgenden Studienrichtungen:

- Alltagskultur
- Kulturpsychologie und darstellende Künste

- Theorie, Methoden und Aufbau sozialer und kultureller Projekte
- Musik als Teil regionaler Kulturen
- kulturwissenschaftliche Erforschung regionaler Sprachen.

Folgende Bereiche der Kulturwissenschaften prägen das Institut:

- Musikkultur in der Region Perm – Musikwissenschaft und Pädagogik
- Volkstanz in der Region Perm
- Theaterpädagogik
- Volkskunst als darstellende Kunst

Postgraduiertenprogramme des Instituts für Kunst und Kulturwissenschaften:

- Allgemeine Psychologie und Persönlichkeitspsychologie
- Kultursoziologie
- Kulturgeschichte und Kulturtheorie.

Abkommen über ein Postgraduiertenprogramm besteht mit der Universität von Cassino in Latium, Ita-

lien. Ein Kooperationsabkommen mit der Leibniz Universität in Hannover, Historisches Seminar, wurde im Jahr 2012 geschlossen.

Kontaktdaten:

<http://www.psiac.ru>

Пермский государственный институт искусства и культуры.

Институт был основан в 1975 году. На сегодняшний день в институте имеются 16 учебных подразделений с 23 кафедрами. Научные исследования профессоров и преподавателей касаются, прежде всего, исторического и культурного развития народов и территорий Урала.

Особое внимание уделяется изучению культурных основ, культурной политике и защите культурного достояния.

Другими объектами исследований института являются изобразительные искусства и психология творчества. Результаты исследований в данной области стали предметом дискуссий на многочисленных международных конференциях, симпозиумах и конгрессах в период с 1997 по 2005 г.

Сегодня институт располагает следующими направлениями подготовки:

- Культура повседневности
- Культурная психология и изобразительные искусства
- Теория, методы и структура социальных и культурных проектов
- Музыка как часть региональных культур
- Культуроведческое исследование региональных языков

Представленные ниже отрасли культуроведения формируют специфику института:

- Музыкальная культура в Пермском крае – музыковедение и педагогика
- Народный танец в Пермском крае
- Театральная педагогика
- Народное искусство как изобразительное искусство

Институт искусства и культуры предлагает аспирантуру по следующим направлениям:

- Общая психология и психология личности
- Социология культуры
- История культуры и ее теория

На сегодняшний день заключен договор о сотрудничестве в области подготовки аспирантов с университетом г. Кассино (Италия). Договор о сотрудничестве с университетом имени Вильгельма Лейбница (Ганновер, Германия) был подписан в 2012 году.

Информация для справок:

<http://www.psiac.ru>

Leibniz Universität Hannover - Historisches Seminar.

Die Studierenden und Lehrenden des Historischen Seminars teilen das Interesse, miteinander zu arbeiten, voneinander zu lernen, gemeinsam Fragen zu entwickeln und nach Antworten zu suchen.

Seine Mitglieder forschen, lehren und lernen in den Bereichen der Alten und Mittelalterlichen Geschichte, der Frühneuzeitlichen und Neuzeitlichen Geschichte sowie in der Geschichtsdidaktik.

Räumlich liegen die Schwerpunkte auf der Geschichte Deutschlands, Europas und Außereuropas. Internationale Akzente setzt besonders deutlich der Studiengang Master of Atlantic Studies in History, Culture and Society.

Exkursionen führten und führen z.B. aktuell nach Frankreich, Senegal, Mexiko, Italien – und eben nach Perm. Das Hochschulbüro für Internationales ist zur der Förderung internationaler Begegnungen für Lehrende und Studenten ein kompetenter, engagierter Ansprechpartner.

Das Wissen über vertraute und fremde Welten, Quellen und zeitgemäße Formen von Kommunikation und Präsentation helfen uns dabei, das Studium der Geschichte zu einer ebenso gesellschaftsrelevanten wie persönlichkeitsbildenden Profession und Beschäftigung zu machen.

Kontaktdaten:

Historisches Seminar der Leibniz Universität Hannover
Im Moore 21, 30167 Hannover,
Geschäftsführende Leiterin: Prof. Dr. Christine Hatzky

Tel.: +49 511 762 2279,

E-Mail: hs@hist.uni-hannover.de

Website: http://www.hist.uni-hannover.de/historisches_seminar.html

Ганноверский Университет имени Лейбница – исторический семинар.

Студенты и преподаватели, принимающие участие в историческом семинаре, стремятся к сотрудничеству, хотят учиться друг у друга, хотят совместно ставить вопросы и искать на них ответы.

Участники семинара проводят исследования в областях, касающихся древней, средневековой, новой и новейшей истории, а также в области исторической дидактики; учатся сами и обучают других.

Углубленно изучается история Германии, Европы и неевропейских стран. Международный оттенок особенно четко придает образовательная программа Master of Atlantic Studies in History, Culture and Society.

Проводились и проводятся экскурсионные поездки во Францию, в Сенегал, в Мексику, в Италию, ну и, конечно же, в Пермь. Международный отдел университета является компетентным посредником по поддержке международных контактов уча-

щихся и студентов.

Знания о знакомых и чужих мирах, народах, источниках и соответствующих духу времени формах коммуникации и презентации позволяют нам сделать изучение истории как полезной обществу, так и развивающей личность профессией и формой занятости.

Контакты:

Исторический семинар университета Вильгельма Лейбница (Ганновер)

Historisches Seminar der Leibniz Universität Hannover

Im Moore 21, 30167 Hannover,
Руководитель: Prof. Dr. Christine Hatzky

Tel.: +49 511 762 2279,

E-Mail: hs@hist.uni-hannover.de

Website: http://www.hist.uni-hannover.de/historisches_seminar.html

Memorial-Jugend Perm.

Die Memorial-Jugend Perm ist eine Nichtregierungsorganisation. Sie wurde von der Abteilung Perm der Internationalen Gesellschaft Memorial am 24.12.1998 gegründet. Die Memorial-Jugend ist ein Zentrum für die Unterstützung demokratischer Jugendinitiativen. Unsere Organisation versteht sich als Partner für Jugendprojekte, die ehrenamtliches Engagement fördern. Jedes Jahr werden zahlreiche Projekte in der Region Perm gefördert und durchgeführt.

Die Memorial-Jugend Perm hat den Nationalen Preis für öffentliche soziale Projekte dreimal gewonnen, sowie internationale Preise.

Forschungsexpeditionen auf den „Strömen der Erinnerung“:

Internationale Jugendgruppen erforschen unter unserer Anleitung bei Bootsfahrten im Flusssystem der Kama verlassene Lagerorte, dokumentieren Zeitzeugeninterviews und setzen Gedenkzeichen. Ein besonderes Projekt: Unterstützung des Museums „Perm 36“ am Ort eines der letzten Haftlager des Gulag.

Sozialarbeit:

Seit 1996 unterstützen Jugendliche in unseren Projekten Menschen der älteren Generationen, die noch heute an den Folgen von Verfolgung, Haft und Verbannung ihrer Familien im Lagersystem des Gulag leiden.

Internationale Freiwilligen-Workcamps:

Seit 2008 bietet die Memorial-Jugend internationale Freiwilligenprojekte zu verschiedensten Themen an: Umweltschutz, Restaurierungsarbeiten, Sozialarbeit, Menschenrechte, Antirassismus, Kunstaktionen u.v.m. – mit Englischkenntnissen oder anderen Sprachen können junge Leute an Reisen teilnehmen, ehrenamtlich arbeiten und Freundschaften schließen. Deutsche Organisationen wie „Aktion Sühnezeichen“ sind unsere Projektpartner.

Kontaktdaten:

Memorial-Jugend
40, Ul. Krupskoi, Perm 614070, Tel.:
(342) 282 53 11; 282 54 42,
E-Mail: volonter@yandex.ru
Website: www.pmem.ru

Молодежный «Мемориал».

Молодежный «Мемориал» - это общественная организация. Она была создана Пермским областным отделением международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» 24 декабря 1998 года.

Молодежный «Мемориал» - это центр поддержки демократических инициатив молодежи. Наша организация выступает партнером в молодежных проектах, которые поощряют работу на общественных началах. Каждый год в Пермском крае организуются и проводятся многочисленные проекты.

Молодежный «Мемориал» в Пермском крае выиграл национальный приз за общественные социальные проекты трижды, также он является обладателем международных призов.

Поисковые экспедиции «По рекам памяти»:

Международные молодежные группы под нашим руководством обследуют во время лодочных

экспедиций по Каме и ее притокам места, где раньше находились лагеря, проводят интервью с очевидцами, устанавливают памятные знаки. Отдельный проект: поддержка музея «Пермь 36» на месте одного из последних лагерей ГУЛАГа.

Социальная работа

С 1996 года молодые люди, участвующие в наших проектах, поддерживают и опекают людей старших поколений, которые до сих пор не могут оправиться от преследований, арестов и ссылки членов их семей в лагерь ГУЛАГа.

Международные волонтерские лагеря

С 2008 года молодежный мемориал предлагает международные волонтерские проекты на различные темы: защита окружающей среды, реставрационные работы, социальная работа, права человека, борьба с расизмом, акции, связанные с искусством, и многое другое. Ребята, знающие английский и другие иностранные языки могут принимать уча-

стие в этих проектах, работать во имя мира и находить себе новых друзей.

Такие немецкие организации как, например, «Aktion Sühnezeichen» (Акция символ покаяния), являются нашими партнерами.

Контакты:

Молодежный «Мемориал»
Ул. Крупской 40, Пермь 614070,
Тел.: (342) 282 53 11; 282 54 42,

E-Mail: volonter@yandex.ru

Website: www.pmem.ru

Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e.V.

Der Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e. V. ist eine humanitäre Organisation. Er widmet sich im Auftrag der Bundesregierung der Aufgabe, die Gräber der deutschen Kriegstoten im Ausland zu erfassen, zu erhalten und zu pflegen. Der Volksbund betreut Angehörige in Fragen der Kriegsgräberfürsorge, er berät öffentliche und private Stellen, er unterstützt die internationale Zusammenarbeit auf dem Gebiet der Kriegsgräberfürsorge und fördert die Begegnung junger Menschen an den Ruhestätten der Toten.

Im Rahmen von bilateralen Vereinbarungen erfüllt der Volksbund seine Aufgabe in Europa und Nordafrika. In seiner Obhut befinden sich heute 825 Kriegsgräberstätten mit etwa 2,5 Millionen Kriegstoten in 45 Staaten. Mehr als 9 000 ehrenamtliche und 560 hauptamtliche Mitarbeiter/innen erfüllen heute die vielfältigen Aufgaben der Organisation.

Mit der Anlage und Erhaltung der Friedhöfe bewahrt der Volksbund

das Gedenken an die Kriegstoten. Die riesigen Gräberfelder erinnern die Lebenden an die Vergangenheit und konfrontieren sie mit den Folgen von Krieg und Gewalt.

Zu diesem Zweck vermittelt der Volksbund unter anderem Fahrten zu den Kriegsgräbern, veranstaltet nationale und internationale Workcamps und Jugendbegegnungen an Kriegsgräbern und Gedenkstätten und informiert in Schulen und Schulfreizeiten. Das Leitwort lautet „Versöhnung über den Gräbern – Arbeit für den Frieden“. Außerdem hat der Volksbund in der Nähe von vier Friedhöfen Jugendbegegnungs- und Bildungsstätten errichtet, wo Schul- und Jugendgruppen ideale Rahmenbedingungen für friedenspädagogische Projekte vorfinden.

Kontaktdaten:

Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e.V.
Landesverband Niedersachsen
Wedekindstr. 32
30161 Hannover
Tel.: +49-(0)511-321282
Fax: +49-(0)511-306531

E-Mail:

jugend-niedersachsen@volksbund.de

Internet:

www.volksbund-niedersachsen.de

facebook:

<http://www.facebook.com/pages/Volksbund-Niedersachsen/113351728689517>

Краткая информация.

Народный союз Германии по уходу за военными могилами является гуманитарной организацией. По поручению федерального Правительства он занимается сбором данных о немецких воинских захоронениях за рубежом, работой по их сохранению и уходу за ними. Народный союз поддерживает родственников в вопросах ухода за военными могилами, консультирует общественные организации и отдельных лиц, осуществляет международное сотрудничество в области ухода за воинскими захоронениями и содействует организации международных молодежных встреч на местах захоронений погибших и умерших.

Действуя в рамках двусторонних соглашений, Народный союз выполняет свои задачи в Европе и Северной Африке. Сегодня под его опекой находятся 825 военных кладбищ в 45 странах с общим числом погибших и умерших около 2.5 млн. чел. Разнообразные задачи организации выполняют сегодня свыше 9000

добровольных и 560 штатных сотрудников.

Занимаясь обустройством и сохранением кладбищ, Народный союз чтит память погибших в годы войны. Обширные захоронения напоминают живым о прошлом, о последствиях, которыми чреваты война и насилие.

С этой же целью Народный союз организует поездки к местам военных захоронений, национальные и международные молодежные лагеря и молодежные встречи на воинских захоронениях и мемориалах, участники которых ухаживают за солдатскими кладбищами, распространяет информацию о своей деятельности в школах и местах проведения школьного досуга. Девиз этой работы – «Примирение над могилами – работа во имя мира». Кроме того, вблизи четырех кладбищ организованы молодежные центры, где созданы идеальные условия для вовлечения школьников и других категорий молодежи в воспитательные проекты во имя мира.

Kontakt Daten:

Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e.V.

Landesverband Niedersachsen

Wedekindstr. 32

30161 Hannover

Tel.: +49-(0)511-321282

Fax: +49-(0)511-306531

E-Mail:

jugend-niedersachsen@volksbund.de

Internet:

www.volksbund-niedersachsen.de

facebook:

<http://www.facebook.com/pages/Volksbund-Niedersachsen/113351728689517>

2) Memorial in Moskau – die Archive der Opfer bewahren | «Мемориал» в Москве – сохранение памяти о жертвах

2a) Objekte aus dem Gulag (Memorial Moskau).

Im Gespräch mit Irina Scherbakowa, Bildungsbeauftragte von Memorial in Moskau, Historikerin, Publizistin und Übersetzerin. Ende der 1970er Jahre begann sie, Interviews mit Opfern des Stalinismus aufzuzeichnen, seit 1991 Forschungen in den Archiven des KGB, heute u.a. Fellow des Wissenschaftskollegs zu Berlin, seit 1999 im Kuratorium der Gedenkstätte Buchenwald. Publikationen zum Gulag.

(Foto: F. Huneke)

2a) Предметы быта из ГУЛАГа (Мемориал, Москва).

Разговор с Ириной Щербаковой – историком, публицистом и переводчиком, руководителем образовательных программ общества „Мемориал“ в Москве. В конце 70-ых годов она стала собирать и записывать на пленку интервью с жертвами сталинского режима, с 1991 года ведет исследовательскую работу в архивах КГБ, сегодня среди прочего является членом Берлинского Института перспективных исследований, с 1999 года – член Международного ученого совета мемориального комплекса Бухенвальд. Публикации по теме ГУЛАГа.

(Фото: Ф. Хунеке)

2b) Weste eines Gulag-Häftlings.

Das mit biblischen Psalmen beschriftete Stoffband wurde unter dem Futter versteckt getragen.

(Foto: F. Huneke)

2b) Безрукавка узника ГУЛАГа.

Платок, исписанный библейскими псалмами, носили спрятанным под подкладкой.

(Фото: Ф. Хунеке)

2) Memorial in Moskau – die Archive der Opfer bewahren | «Мемориал» в Москве – сохранение памяти о жертвах

2c) Koffer mit privaten Dokumenten, Archivierung bei Memorial in Moskau.

Irina Scherbakowa (Memorial) erläutert: „Es kam eine Frau zu uns, um ihre Archivadokumente zu bringen. Wir haben gefragt, ob wir Kopien machen sollen, damit sie die Originale für Ihre Enkelkinder behalten kann. Sie hat geantwortet, dass die Kinder und Enkelkinder sich nicht dafür interessierten, und sie habe Angst, dass es auf dem Müllhaufen lande. Das ist ganz typisch. Wir haben weitergefragt: ‚Haben Sie jemals Ihren Kindern oder Enkelkindern etwas erzählt?‘ Darauf antwortete sie: ‚Nein, nie, wieso denn, wozu denn.‘ Noch jetzt haben sie Angst zu erzählen. So entsteht ein Teufelskreis. - Das muss in Deutschland wohl nicht erklärt werden.“

(Foto: D. Carreno Hansen)

2c) Чемодан с личными документами, процесс архивации в Обществе Мемориал в Москве.

Ирина Щербакова (Мемориал) рассказывает: «К нам пришла женщина, чтобы отдать свои личные документы. Мы поинтересовались, должны ли мы сделать копии, чтобы оригиналы остались у неё для её внуков. Она ответила, что её дети и внуки не интересуются этим и что она боится, что все это может оказаться выброшенным. Это типично. Мы спросили далее: «А Вы когда-либо рассказывали об этом своим детям или внукам?» На что она ответила: «Нет, никогда. Да и зачем, и почему?» До сих пор люди боятся говорить об этом. Так возникает «замкнутый круг». – В Германии не надо это разъяснять.»

(Фото: Д. Каррено Хансен)

2d) Erinnerungsstücke sowjetischer Zwangsarbeiter aus ihrer Zeit in Deutschland im Zweiten Weltkrieg.

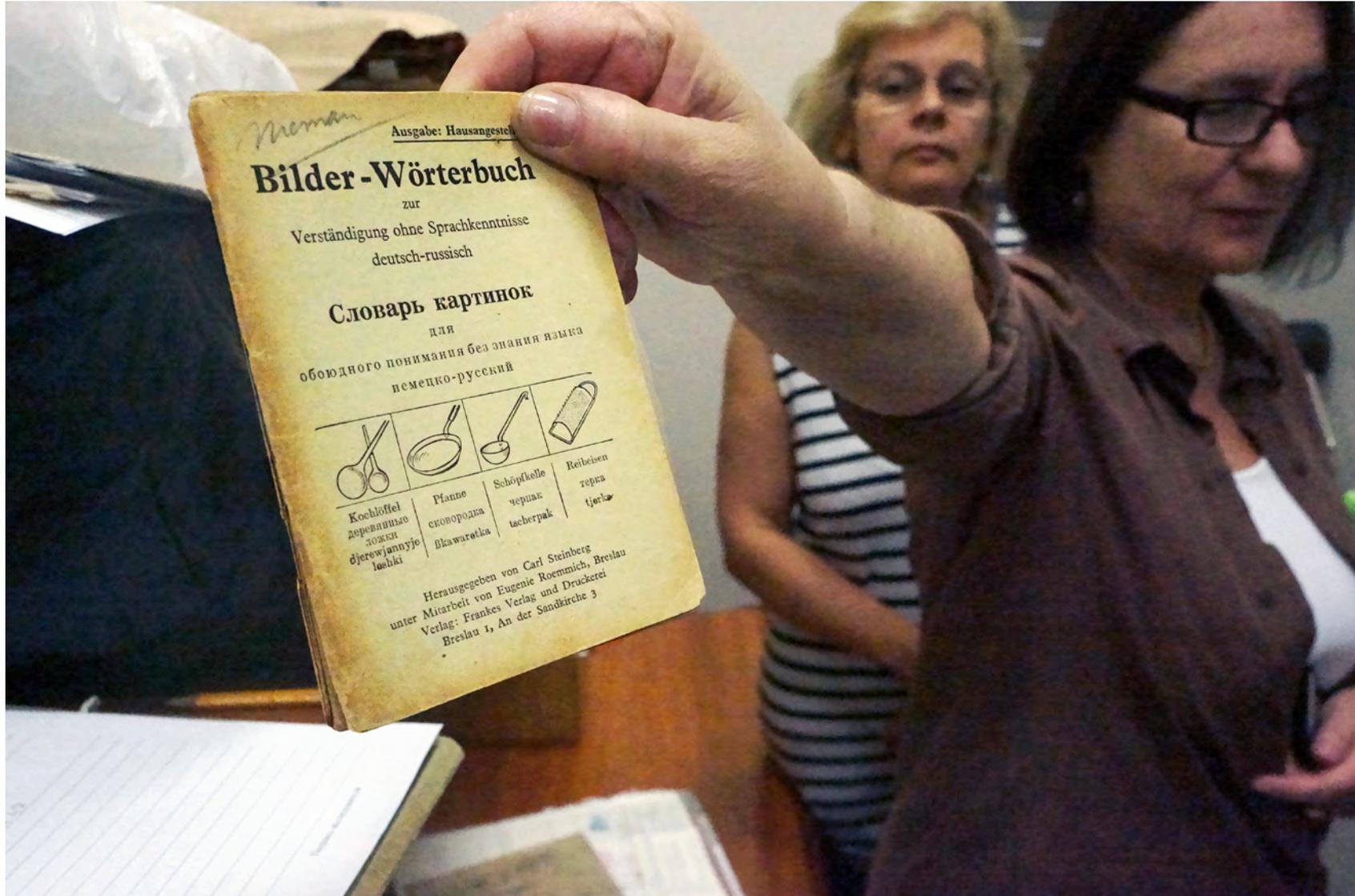
Eine ehemalige Zwangsarbeiterin gab dieses „Bilder-Wörterbuch zur Verständigung ohne Sprachkenntnisse, deutsch-russisch, Ausgabe: Hausangestellte, Breslau [1943]“ ab. Aus dem Inhalt: *„Reinigen Sie die Badewanne! ... Putzen Sie sämtliche Schuhe! ... Nähen Sie! Stricken Sie! Häkeln Sie! Beeilen Sie sich! ...“*

(Foto: F. Huneke)

2d) Вещи и предметы советских принудительных рабочих как память о пребывании в Германии во время Второй мировой войны.

Бывшая принудительная рабочая передала этот «Словарь картинок или обоюдного понимания без знания языка. Немецко-русский. Издательство: Домоводство. Бреслау. 1943 г.» Из содержания: *«Мойте ванну! ... Чистите обувь! ... Шейте! ... Вяжите спицами! ... Вяжите крючком! ... Торопитесь! ...»*

(Фото: Ф. Хунеке)

3) „Es waren ja bekannte Regisseure, Schauspieler, Künstler – im Gulag ...“ | «Это были известные режиссеры, актеры и им подобные – и все в ГУЛАГе ...»

3a) Musikinstrumente und andere Gegenstände von Häftlingen.

Bekannte Musiker, Regisseure und Schauspieler wirkten in großen Lagertheatern mit - als Gulag-Insassen. Dafür konnte es zusätzliche Verpflegung oder kleine Arbeitsbefreiungen geben. Die Lagerleitungen gaben mit solchen unfreien Kultureinrichtungen an.

(Foto: F. Huneke)

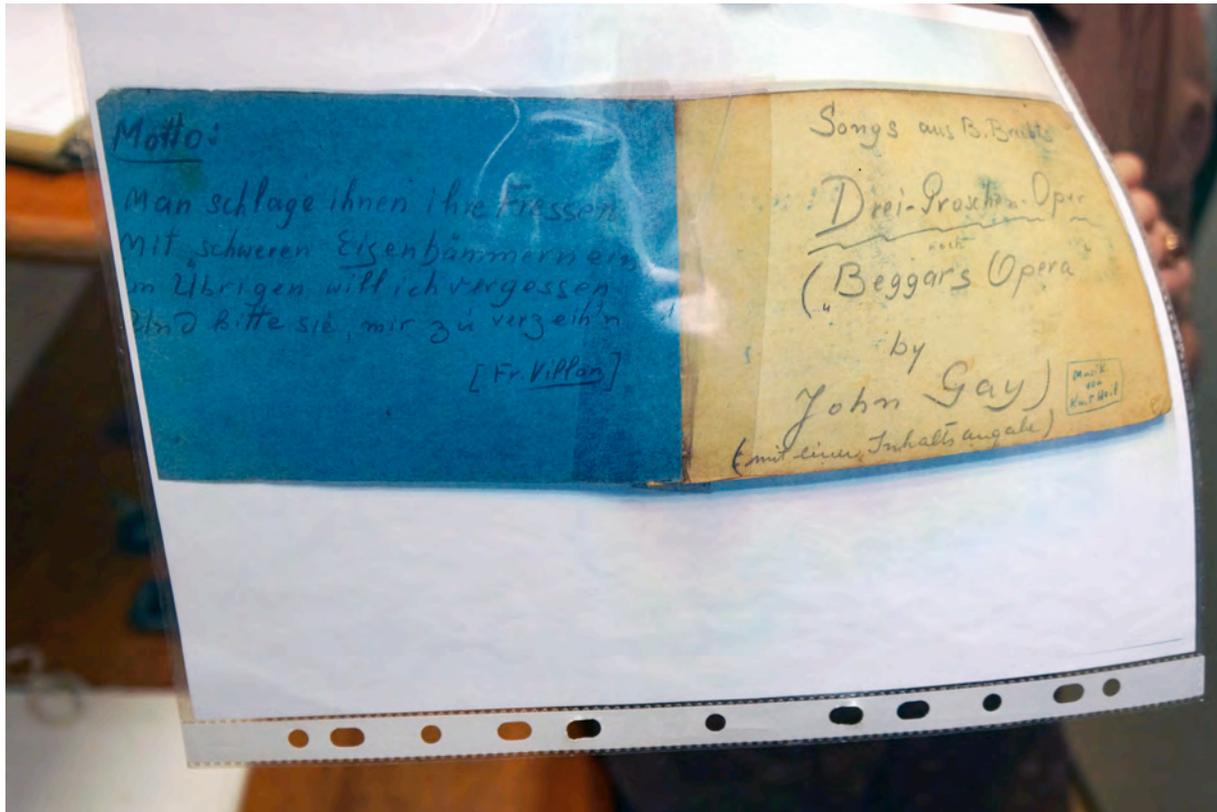
3a) Музыкальные инструменты и прочие вещи заключенных.

Известные музыканты, режиссеры и актеры, будучи заключенными ГУЛАГа, участвовали в больших лагерных театрах за дополнительный паёк или освобождение от работы на короткое время. Лагерное начальство бахвалилось такими культурными мероприятиями.

(Фото: Ф. Хунек)

3) „Es waren ja bekannte Regisseure, Schauspieler, Künstler – im Gulag ...“ | «Это были известные режиссеры, актеры и им подобные – и все в ГУЛАГе ...»

3b) Manuskript aus einem Lager.

(Foto: F. Huneke)

3b) Лагерная рукопись.

(Фото: Ф. Хунеке)

3) „Es waren ja bekannte Regisseure, Schauspieler, Künstler – im Gulag ...“ | «Это были известные режиссеры, актеры и им подобные – и все в ГУЛАГе ...»

3) „Es waren ja bekannte Regisseure, Schauspieler, Künstler – im Gulag ...“ | «Это были известные режиссеры, актеры и им подобные – и все в ГУЛАГе ...»

**3c) Selbstporträt des estischen Künstlers
Ülo Sooster (* 1924 in Uhtri, Estland –
† 1970 in Moskau).**

Sooster war wegen „antisowjetischer Propaganda“ von 1949 bis 1956 in Karaganda inhaftiert. Wachposten entdeckten seine Zeichnungen und steckten sie in den Ofen der Lagerbaracke. Nach der Lagerkontrolle gelang es ihm, die halb verbrannten Zeichnungen zu retten.

(Foto: D. Carreno Hansen)

**3c) Автопортрет эстонского художника
Юло Зоостера (* 1924, Утри/Эстония -
† 1970, Москва).**

Зоостер отбывал наказание в Караганде за «антисоветскую пропаганду» с 1949 по 1956 годы. Охранники нашли его рисунки и бросили в печь лагерного барака. После обхода ему удалось спасти полуобгоревшие рисунки.

(Фото: Д. Каррено Хансен)

3) „Es waren ja bekannte Regisseure, Schauspieler, Künstler – im Gulag ...“ | «Это были известные режиссеры, актеры и им подобные – и все в ГУЛАГе ...»

3d) Wimpel, Porträtfotos, Mitglieder- und Kandidatenliste des Politbüros (undatiert).

Die undatierte Druckschrift mit den Namen der Mitglieder und Kandidaten des Politbüros des „ZK WKP b“ (Zentralkomitee der Kommunistischen Allunions Partei b – Bolschewiki) erlaubt eine Datierung zum 17. Parteitag 1934. So wurde der hier unter den Kandidaten aufgeführte Mikojan im Frühjahr 1935 Vollmitglied. Die Zusammenstellung dieser Dokumente entspricht im Jahr 1934/35 der offiziellen Politik. Der Wimpel greift mit Hammer und Sichel sowie dem Feuer (der Revolution?) auf das Symbol der Pioniere zurück, der Kinder- und Jugendorganisation der UdSSR.

Der Besitzer scheint als junger Mensch in politische Haft geraten zu sein.

(Foto: D. Carreno Hansen)

3d) Вымпел, фотографии и список членов и кандидатов Политбюро (без даты).

Список членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (Центрального комитета Всесоюзной Партии большевиков) без даты позволяет датировать документы 1934 годом. Подтверждением служит имя кандидата в члены Микояна, который весной 1935 года стал членом ЦК. Собрание этих документов соответствует официальной политике 1934/1935 гг.

Вымпел с изображением костра (как символа революции?) на фоне серпа и молота возвращает во времена пионерии – детской организации СССР.

Владелец, вероятнее всего, был репрессирован молодым.

(Фото: Д. Каррено Ханзен)

3) „Es waren ja bekannte Regisseure, Schauspieler, Künstler – im Gulag ...“ | «Это были известные режиссеры, актеры и им подобные – и все в ГУЛАГе ...»

4) „Finden Sie mir Wahrheit, mein Vater wurde 1937 verhaftet ...“ | «Помогите мне найти правду, моего отца арестовали в 1937...»

4a) Briefentwurf, Mascha, 11 Jahre, 1937.

„Kinder, deren Eltern verhaftet worden sind, die schrieben natürlich auch Briefe, und an wen, meistens an Stalin. ... und dann schrieben sie das sauber, aber die Kladden haben sie aufbewahrt, im Familienarchiv, und das ist so ein Entwurf: ‚Lieber Josef Wissarionowitsch [Stalin]! Finden Sie mir Wahrheit, mein Vater wurde 1937 verhaftet ... Helfen Sie mir, die Wahrheit zu finden. ... Ich bin 11 Jahre alt. Mascha ...“ (Erläuterung: Irina Scherbakowa, Memorial)

(Foto: F. Huneke)

4a) Черновик письма Маши, 11 лет, 1937 год.

«Дети, родители которых были арестованы, писали, конечно же, письма. Кому? По большей части – Сталину. ... а потом они переписывали начисто, а черновики сохраняли в семейных архивах. И это один из таких черновиков: «Дорогой Иосиф Виссарионович [Сталин]! Помогите мне найти правду, моего отца арестовали в 1937 году... Помогите мне найти правду. ... Мне 11 лет. Маша ...»» (Комментарий: Ирина Щербакова, Мемориал)

(Фото: Ф. Хунеке)

4) „Finden Sie mir Wahrheit, mein Vater wurde 1937 verhaftet ...“ | «Помогите мне найти правду, моего отца арестовали в 1937...»

4b) Tagebücher, Alben, Kalender.

„Diese Dokumente gibt es natürlich nicht in den staatlichen Archiven, und sie gehören auch nicht dorthin.“ (Erläuterung: Irina Scherbakowa, Memorial)

(Foto: F. Huneke)

4b) Дневники, альбомы, календари.

«Этих документов, разумеется, нет в государственных архивах, они и не должны там находиться.» (Комментарий: Ирина Щербакова, Мемориал)

(Фото: Ф. Хунеке)

4) „Finden Sie mir Wahrheit, mein Vater wurde 1937 verhaftet ...“ | «Помогите мне найти правду, моего отца арестовали в 1937...»

4c) Sammlung bestickter Mützen.

In den Lagern des Gulags fertigten Frauen aus aufgetrennten Stoffresten z.B. Mützen, um sie an Kinder und Verwandte nach Hause zu schicken.

(Foto: F. Huneke)

4c) Собрание шапочек, украшенных вышивкой.

В лагерях ГУЛАГа женщины делали из лоскутков, например, шапочки, которые потом посылали домой детям и знакомым.

(Фото: Ф. Хунеке)

4) „Finden Sie mir Wahrheit, mein Vater wurde 1937 verhaftet ...“ | «Помогите мне найти правду, моего отца арестовали в 1937...»

4d) Bestickte Mütze.

Stickerei aus einem Arbeitslager.

(Foto: F. Huneke)

4d) Вышитая шапочка.

Шапочка, выполненная в одном их лагерей.

(Фото: Ф. Хунеке)

5) 30. Oktober – Tag der Opfer politischer Repression | 30 октября – День памяти жертв политических репрессий

5a) Mahnmal vor der Lubjanka, Moskau.

Von 1920 bis 1991 beherbergte das Gebäude das Hauptquartier, zentrale Gefängnis und Archiv des Geheimdienstes, und seitdem den russischen Inlandsgeheimdienst. 1990 wurde auf dem Vorplatz ein Mahnmal errichtet mit einem Stein von den Solowezki-Inseln, wo die ersten großen Lagerkomplexe entstanden waren. Inschrift:

**„Die Gesellschaft MEMORIAL
hat diesen Stein vom Territorium der
Solowezki- Lager besonderer Bestimmung
hier aufgestellt
zum Gedenken an Millionen Opfer
des totalitären Regimes.
30. Oktober 1990
Tag des politischen Gefangenen in der
UdSSR“**

(Foto: Ewlalija Samedowa)

5a) Памятник на Лубянке в Москве.

С 1920 по 1991 годы здесь располагались Главное управление, центральная тюрьма и архив секретных служб, затем российская служба безопасности. В 1990 году на площади перед зданием был установлен памятник. На камне, привезенном с Соловецких островов – места, где возникли первые лагеря, написано:

**«Этот камень доставлен
Обществом „Мемориал“
из Соловецкого лагеря особого
назначения
и установлен в память
жертв тоталитарного режима.
30 октября 1990 г. -
День памяти жертв политических
репрессий в СССР»**

(Фото: Евлалия Самедова)

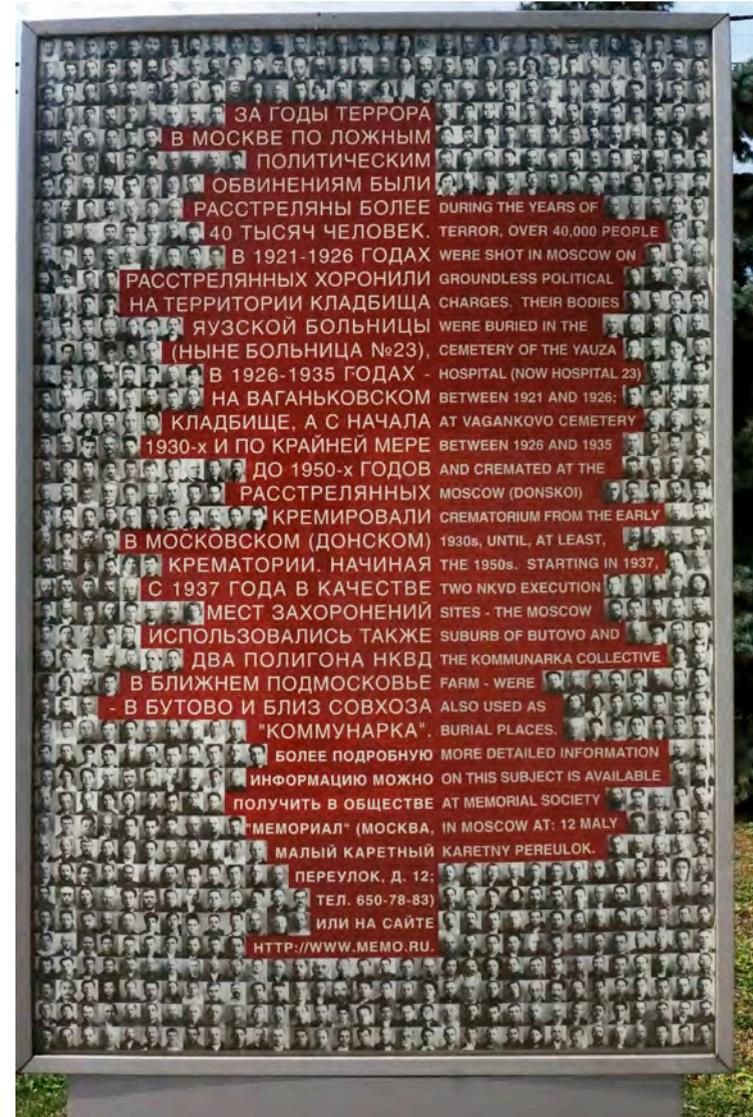

5b) Informationstafel vor dem Mahnmal für die Opfer politischer Repression, Moskau.

(Foto: F. Huneke)

5b) Информационная доска перед памятником жертвам политических репрессий, Москва.

(Фото: Ф. Хунеке)

5c) Informationstafel vor dem Mahnmal für die Opfer politischer Repression - Teilansicht.

Das Denkmal für den Gründer des KGB-Vorläufers Tscheka, Felix E. Dzerschinski, wurde nach dem gescheiterten Putschversuch konservativer kommunistischer Kräfte im August 1991 entfernt, es befindet sich heute auf dem Skulpturenpark.

(Foto: F. Huneke)

5c) Часть информационной доски перед памятником жертвам политических репрессий.

Памятник основателю ЧК, предшественника КГБ, Феликсу Дзержинскому был демонтирован после неудачного путча консервативных коммунистических сил в августе 1991 года, сейчас он находится в парке скульптур.

(Фото: Ф. Хунеке)

5) 30. Oktober – Tag der Opfer politischer Repression | 30 октября – День памяти жертв политических репрессий

5) 30. Oktober – Tag der Opfer politischer Repression | 30 октября – День памяти жертв политических репрессий

5d) 30. Oktober 2012 - Gedenkveranstaltung am Mahnmal für die Opfer politischer Repression.

Jedes Jahr organisiert Memorial hier die Verlesung von Namen der Opfer durch Persönlichkeiten des öffentlichen Lebens, durch einfache Bürger und Passanten. Jeder erhält die Daten von vier Personen: Vorname, Familienname, Alter, Beruf, Datum der Erschießung.

(Foto: Witalii Belousow)

5d) 30 октября 2012 – траурный митинг у памятника жертвам политических репрессий.

Каждый год общество Мемориал организует здесь акцию, в ходе которой известные люди, простые граждане и прохожие читают имена и фамилии репрессированных, называя также возраст, профессию и дату расстрела.

(Фото: Виталий Белоусов)

6) Skulpturenpark „Muzeon“ – Park der gefallenen Denkmale | Парк скульптуры «Музеон» - парк снесенных памятников

6а) Muzeon – Skulpturenpark, Krymskij wal 10, Moskau: Leonid Iljitsch Breschnew, Lenin u.v.a..

Seit Oktober 1991 wurden hier Skulpturen sowjetischer Persönlichkeiten erst abgelegt, dann – ohne Originalsockel – wieder aufgestellt.

(Foto: F. Huneke)

6а) Музеон – Парк скульптуры на Крымском Валу 10 в Москве: Леонид Ильич Брежнев, Ленин и др..

С октября 1991 года здесь были сначала свалены скульптурные изображения видных советских деятелей, затем установлены без постаментов.

(Фото: Ф. Хунек)

6) Skulpturenpark „Muzeon“ – Park der gefallenen Denkmale | Парк скульптуры «Музеон» - парк снесенных памятников

6b) Muzeon. - Vorn: „J.W. Stalin“ (S.D. Merkurow, 1938). - Hinten: „Skulpturenkomposition“ von Evgeny Chubarov, 1980.

1998 erwarb die Parkleitung 300 Skulpturen von Evgeny Chubarov, die den Opfern der sowjetischen Herrschaft gewidmet sind.

(Foto: F. Huneke)

6b) Музеон – впереди: «И.В.Сталин» (С. Д. Меркулов, 1938). – позади: «Скульптурная композиция» Евгения Чубарова, 1980.

В 1998 году управление парка приобрело 300 скульптур Евгения Чубарова, посвященных жертвам режима Сталина.

(Фото: Ф. Хунекке)

6) Skulpturenpark „Muzeon“ – Park der gefallenen Denkmale | Парк скульптуры «Музеон» - парк снесенных памятников

**6c) Muzeon – „Skulpturenkomposition“ von
Evgeny Chubarov, 1980.**

Detail

(Foto: F. Huneke)

**6c) Музеон - «Скульптурная композиция»
Евгения Чубарова, 1980.**

(Фото: Ф. Хунеке)

**6d) Muzeon – „Skulpturenkomposition“
von Evgeny Chubarov, 1980.**

Detail. Jedes Gesicht trägt die Daten eines verurteilten politischen Gefangenen.

(Foto: F. Huneke)

**6d) Музеон - «Скульптурная композиция»
Евгения Чубарова, 1980.**

Каждое изображение – это лицо конкретного приговоренного политического заключенного.

(Фото: Ф. Хунек)

7) Zugfahrt und erste Begegnung in Perm | Поездка на поезде и первые встречи в Перми

7а) Zugfahrt Moskau – Perm.

Reiseeindrücke zweier Studenten: *„Die Landschaft, die wir auf dem Weg von Moskau nach Perm durchfuhren, ließ uns eindrucksvoll die Weite des Landes spüren. Erst die eigene Erfahrung der Dimensionen von Russland lässt uns die Entfernungen, die Gulag-Häftlinge in ihren Erinnerungen beschreiben, besser verstehen.“* (Svea Lehmann u. Benedikt Funke)

(Foto: D. Carreno Hansen)

7а) Поезд Москва-Пермь.

Путевые впечатления двух студентов: *«Места, которые мы проезжали, следуя из Москвы в Пермь, позволили почувствовать нам просторы страны. Только увидев собственными глазами всё величие России, мы смогли по-настоящему понять описанные узниками ГУЛАГа в их воспоминаниях проделанные ими расстояния.»* (Свея Лейманн и Бенедикт Функе)

(Фото: Д. Каррено Хансен)

7) Zugfahrt und erste Begegnung in Perm | поездка на поезде и первые встречи в Перми

**7b) Lektüre während der Zugfahrt Moskau
- Perm.**

„Auf den Spuren des Gulags empfinde ich eine besondere Verbindung zur Geschichte. Die Begegnungen mit den russischen Kommilitonen heute verändern den Blick auf die Geschichte des Terrors.“ (Leon Passchier)

(Foto: F. Huneke)

**7b) Чтение литературы в поезде Москва
- Пермь.**

«Исследуя историю ГУЛАГа я теснее чувствую связь с историей. Наши встречи с русскими студентами изменяют взгляд на историю террора.» (Леон Пасшир)

(Фото: Ф. Хунеке)

7c) Ankunft am Staatlichen Institut für Kunst und Kulturwissenschaften, Perm.

V.l.n.r.: Dr. Andrey Bushmakov, Universitätsdozent in Perm; Henrik Berthold, ehrenamtlicher Mitarbeiter in der Jugendarbeit des Volksbundes deutscher Kriegsgräberfürsorge e.V.; Friedrich Huneke, Dozent am Historischen Seminar der Leibniz Universität Hannover.

(Foto: D. Carreno Hansen)

7c) Встречи в Государственном институте искусства и культуры, Пермь.

Слева направо: Андрей Бушмаков - Кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии, Пермь; Хенрик Бертольд – Референт по работе с молодежью Всегерманского Союза по уходу за военными захоронениями; Фридрих Хунеке – Доцент исторического факультета Ганноверского университета имени Лейбница.

(Фото: Д. Каррено Хансен)

7d) Workshop deutscher und russischer Studenten.

TeilnehmerInnen der Sommerschule bei der Arbeit (vorn: Asija und Alexandra, hinten: Hauke und Svea).

(Foto: F. Huneke)

7d) Совместный рабочий семинар немецких и российских студентов.

Участники летнего лагеря во время работы (первый ряд: Ася и Александра, второй ряд: Хауке и Свея).

(Фото: Ф. Хунеке)

Andrey Bushmakov

Die Region Perm in den 1940er Jahren

Das Territorium der Region Perm, das am westlichen Abhang des Uralgebirges gelegen ist, hieß in den 1940er Jahren „Molotover Oblast“, benannt nach einem Vertrauensmann Stalins. Es erstreckt sich über eine Distanz von bis zu 320 Kilometern von Ost nach West und von bis zu 660 Kilometern von Süden nach Norden bei einer Bevölkerungsgröße von 2 Millionen. Die Region war geprägt von Unternehmen der Metall-, Chemie-, Erdöl-, Kohle-, Holz- und Papierindustrie. Zugleich waren viele Bereiche der Region aufgrund des strengen Klimas sowie eines nur schwach entwickelten Schienen- und Straßennetzes nur schwer zugänglich. In den südlichen Teilen des Oblast waren die Straße sogar so schlecht, dass der Zugang zu vielen Siedlungen in der Herbst- und Winterzeit praktisch versperrt war.

Mit dem Beginn der beschleunigten Industrialisierung Ende der 1920er-Jahre wird der nördliche

Teil des Oblast Molotov zu dem Ort, an dem die Lager des GULAG eingerichtet werden. Die Zwangsarbeit von Gefangenen und Zwangsumsiedlern wurde für den Bau neuer Anlagen der Papierindustrie, zum Holzfällen und in Kohleschächten eingesetzt. Das Vischerker Lager erlangte dabei traurige Berühmtheit durch die hohe Sterblichkeitsrate der Gefangenen, die 1933 34,6 Prozent betrug (L. Obuchov).

Während des Krieges wurden insbesondere Sowjetdeutsche, Krimtataren, Griechen, Kalmücken und einige andere Volksgruppen der UdSSR aus ihren Anstammungsgebieten ins GULAG verschickt, hinzu kamen außerdem Kollaborateure, die auf Seiten Hitlers gekämpft hatten sowie Kriegsgefangene. Sie wurden als unqualifizierte Arbeitskraft eingesetzt, die in den Kriegsjahren ungeachtet des aktiven Einsatzes von Frauen und Jugendlichen in der Industrie und der Landwirtschaft stark nachgefragt wurde.

Die Region wurde zu einem Evakuierungsort für die Bevölkerung

und die Industrieanlagen aus den westlichen Regionen der UdSSR. Die Lebensumstände für einen Großteil der Bevölkerung waren sowohl in Molotov als auch in den Kleinstädten und Siedlungen äußerst hart. Durch mangelnde Versorgung mit Lebensmitteln und Heizmaterial starb ein großer Teil der Bevölkerung. In Beschwerdebriefen aus dieser Zeit vergleichen die Zeitgenossen die Siedlungen der Region mit dem blockierten Leningrad – so wie dort kam es vor, dass Menschen direkt auf der Straße umfielen und starben.

„Pflegekinder“, die nicht auf den Industrieanlagen arbeiteten, erhielten auf Lebensmittelkarten lediglich 400 Gramm Brot schlechter Qualität pro Tag. Die entsprechende Norm für einen Arbeiter betrug zwischen 600 Gramm und einem Kilogramm (für besonders schwere Arbeiten). In den Kantinen der Fabriken erhielten die Arbeiter zusätzlich lediglich eine dünne Suppe. Es ist anzumerken, dass Brot für den Großteil der Bevölkerung die Hauptnahrungsquelle darstellte,

andere Lebensmittel wurden zwischen 1942 und 1944 über die Lebensmittelkarten praktisch niemandem zugeteilt. Seit 1942 verbreitet sich die Praxis, dass den Stadtbewohnern zum eigenständigen Anbau von Kartoffeln kleine Erdparzellen zugeteilt werden. Arbeiter und Angestellte mussten sich angesichts der Tatsache, dass es keine arbeitsfreien Tage gab und sie 11 Stunden täglich arbeiteten, über verschiedene halblegale Methoden Zeit freischaufeln, um auf diesen Parzellen, die für die Ernährung der Familie unverzichtbar waren, Anbau betreiben zu können.

Mit dem Ende des Krieges verbesserte sich die Lage in Bezug auf Lebensmittel und anderen lebenswichtigen Produkten kaum. Die Versorgung mit Kleidung und Schuhen war absolut unzureichend – die Autoritäten mussten sogar einen Reperaturbetrieb zu deren Ausbesserung einrichten, der im Nachtschichtbetrieb arbeitete.

Angesichts des Hungers und anderer Entbehrungen, die die Arbeiter ertragen mussten, nutzten

Partei- und Wirtschaftsfunktionäre ihre privilegierte Stellung aus. Sie profitierten dabei von der wachsenden Autonomie von der Machtzentrale in Moskau und eigneten sich ohne Hemmungen defizitäre Ressourcen sowie materielle Güter an und nutzten diese zu ihren Gunsten. Die sich dadurch verstärkenden sozialen Unterschiede führten zu gesellschaftlichen Spannungen und unterminierten die paternalistischen Mechanismen, die sich in der Vorkriegszeit gebildet hatten. Die gesellschaftlichen Spannungen äußerten sich in der zunehmenden Entfremdung einzelner Bevölkerungsgruppen voneinander, in einer antisemitischen Stimmung sowie in dem Gefühl von Hoffnungslosigkeit und Apathie sowie aggressivem Verhalten.

Die Antwort der Autoritäten auf diese Entwicklung war nicht nur eine Verstärkung der Propaganda, sondern auch eine Zunahme der Gewalt gegenüber den Arbeitern. Zehntausende Arbeiter aus dem Oblast wurden wegen „Verletzung der Arbeitsdisziplin“ vor Gericht

gestellt. In den meisten Fällen wurden sie verurteilt und mussten ihre Strafe nicht in den Lagern, sondern in ihrem eigenen Betrieb verbüßen.

Die Unterschiede zwischen der Lage der Gefangenen und den formal freien Bürgern der UdSSR verschwamm in den 1940er-Jahren zusehends. Die Bindung der Gefangenen und Zwangsumsiedler an ihre Arbeitsplätze unterschied sich kaum von jener der gewöhnlichen Bürger, die ebenfalls einem bestimmten Betrieb oder einer Kolchose fest zugeordnet waren. Die tägliche Zwangsarbeit, die vollständige Abhängigkeit von dem Willen der Betriebsleitung, der Hunger und das Elend – das war das gemeinsame Los der überwiegenden Mehrheit der Menschen in den 1940er-Jahren, die sich unter der Herrschaft der stalinistischen Nomenklatura befanden. Auch deutsche Kriegsgefangene zählten für einige Jahre zu einer Variante dieser von der sowjetischen Führung mitleidslos ausgebeuteten Arbeitsressource.

Пермский край в 1940-х гг.

Территория Пермского края, находящегося на западном склоне Уральского хребта, в 1940-е годы называлась Молотовской областью в честь одного из приближенных Сталина. Протянувшаяся на расстояние до 320 км с востока на запад и до 660 км с юга на север область с населением 2 млн. человек была насыщена предприятиями металлургии, химической, нефтяной, каменноугольной, лесной и бумажной промышленности. В то же время суровый климат и слабо развитая сеть железных и шоссейных дорог делали труднодоступной многие ее территории. Даже в южной части области дороги были настолько плохи, что до многих поселков было практически невозможно добраться в весенне-осенний период.

С конца 1920-х годов с началом ускоренной индустриализации северная часть Прикамья становится местом развёртывания лагерей ГУЛАГа. Подневольный труд заключенных и спецпосе-

ленцев использовался в строительстве новых предприятий бумажной промышленности, лесозаготовках, угольных шахтах. Вишерский лагерь получил печальную известность исключительно высокой смертностью заключенных, достигшей в 1933 году 34,6% (Л.Обухов).

В годы войны к заключенным ГУЛАГа добавились советские немцы, крымские татары, греки, калмыки и некоторые другие народы СССР, выселенные из мест их обитания, а также воевавшие на стороне Гитлера коллаборационисты и пленные. Их использовали в качестве неквалифицированной рабочей силы, потребность в которой возросла в годы войны, несмотря на активное использование в промышленности и сельском хозяйстве труда женщин и несовершеннолетних.

Край стал местом эвакуации населения и промышленных предприятий из западных регионов СССР. Условия жизни большинства людей, как в самом Молодове, так и в малых городах и

поселках были крайне тяжелыми. Недостаток снабжения в военные годы продовольствием и топливом приводил к большой смертности населения. В жалобах и письмах того периода современники сравнивают поселки Прикамья с блокадным Ленинградом – как и там люди случалось падали и умирали прямо на улицах.

Не работавшие на промышленных предприятиях «иждивенцы», получали по карточкам всего 400 граммов плохого качества хлеба в сутки. Норма работающего составляла от 600 грамм до 1 кг (на особо тяжёлых работах). В заводских столовых рабочим дополнительно давали обычно лишь жидкий суп. Следует учесть, что хлеб являлся для большинства населения основным источником питания, другие продукты по карточкам в 1942 – 1944 годах практически никогда не выдавались. С 1942 года распространяется практика выделения горожанам небольших участков земли для самостоятельного выращивания картофеля. Рабочие и служащие при отсутствии

выходных и 11-часовом рабочем дне должны были разными полуправильными способами выкраивать время для работы на этом участке, ставшем важным источником для пропитания семьи.

С окончанием войны ситуация с продовольствием и предметами первой необходимости почти не улучшилась. Снабжение одеждой и обувью также было совершенно недостаточным – властям даже пришлось организовать работу мастерских по их ремонту в ночную смену. Причиной было то, что у многих трудящихся был всего один приемлемый комплект для носки и, отдав его в ремонт, они не имели в чем отправиться на работу.

В условиях голода и других лишений, которые терпели трудящиеся, партийные и хозяйственные функционеры активно использовали своё положение, наслаждаясь возросшей автономией от московского начальства, бесцеремонно присваивая и потребляя дефицитные ресурсы и материальные блага. Выросшая дифференциация привела к ро-

сту социальной напряженности (О.Лейбович, Г.Янковская) и нарушила сложившиеся в довоенный период патерналистские механизмы. Социальная напряженность проявлялась во взаимном отторжении разных групп населения, антисемитских настроениях, чувстве безнадежности и апатии, агрессивном поведении.

Ответом на это было не только усиление пропаганды, но и рост насилия по отношению к работникам со стороны власти. Десятки тысяч рабочих в области были отданы под суд за нарушение трудовой дисциплины. В большинстве случаев они были осуждены и отбывали наказание не в лагерях, а на своем собственном предприятии.

Границы между положением заключенных и формально свободных граждан СССР в 1940-е годы стали еще более неопределенными. Расконвоированные заключенные или спецпоселенцы фактически мало отличались от большинства обычных граждан, прикрепленных к своему пред-

приятию или колхозу. Принудительный ежедневный труд, полная зависимость от воли начальства, голод и нищета – это общая участь подавляющего большинства людей в 1940-е годы, оказавшихся под властью сталинской номенклатуры. И немецкие военнопленные на несколько лет оказались одной из разновидностей этого безжалостно эксплуатируемого руководителями СССР трудового ресурса.

8) Arbeitsfelder von Memorial – Recherchen im Archiv | Области деятельности «Мемориала» – работа в архиве

8a) Vor dem Büro von Memorial in Perm.

Memorial organisiert Freiwilligendienste zur Stärkung der Zivilgesellschaft.

(Foto: F. Huneke)

8a) Перед офисом Мемориала в Перми.

Мемориал организует проекты добровольной общественной деятельности для укрепления гражданского общества.

(Фото: Ф. Хунекке)

8b) Planungsbesprechung mit Robert Lатыпов, Leiter der Memorial-Jugend in Perm.

Die Studentengruppe sollte eine Einführung in die Geschichte von Memorial erhalten, Gesprächskontakte mit Zeitzeugen, aber auch ein Streitgespräch mit der revisionistischen kommunistischen Parteijugend. Der Besuch ehemaliger Lager und die Pflege vernachlässigter Kriegsgräberstätten waren vorzubereiten.

(Foto: F. Huneke)

8b) Обсуждение программы лагеря с Робертом Латыповым, руководителем молодежного Мемориала в Перми.

По плану программы группа студентов ознакомится с историей Мемориала, проведет личные встречи и дискуссии с очевидцами того времени, а также с членами ревизионистской коммунистической партии. Также было запланировано посещение бывшего политического лагеря и работа по облагораживанию исторических памятников.

(Фото: Ф. Хунеке)

8с) Aus der Jugendarbeit von Memorial.

Die Erinnerungsarbeit von Memorial hat konkrete Formen: die soziale Unterstützung ehemaliger politisch Repressierter, die Kennzeichnung von Lagerorten als Gedenkstätten, Forschungen in Archiven und Expeditionen, Freiwilligendienste national und international.

(Foto: F. Huneke)

8с) Молодежный мемориал.

Работа Мемориала с исторической памятью выражается в конкретных формах. Это социальная помощь бывшим политическим репрессированным, поиск и обозначение бывших лагерей как мест памяти, исследования в архивах и экспедициях, межрегиональные и международные волонтерские лагеря.

(Фото: Ф. Хунеке)

8d) Archivrecherchen im Staatsarchiv Perm.

Andrey Bushmakov untersucht mit der Studentengruppe Berichte über die Anlage von Friedhöfen in Kriegsgefangenenlagern.

(Foto: D. Carreno Hansen)

8d) Работа с документами в Пермском государственном архиве.

Андрей Бушмаков вместе со студентами исследует документы о месторасположении кладбищ на территории бывших лагерей военнопленных.

(Фото: Д. Каррено Ханзен)

9) Perm: Zeitzeugeninterviews | Пермь: интервью с очевидцами того времени

9a) Angelina Bushueva (*1936).

Angelina ist Mitbegründerin von Memorial Perm. Ihr Vater wurde während des großen Terrors (1938) ermordet. Sie verbrachte mehrere Jahre in staatlichen Kinderheimen und in einem Lager in Kasachstan. Angelina möchte, dass ihre Geschichte verbreitet wird, sonst wäre es für sie sinnlos, sie zu erzählen.

(Foto: D. Carreno Hansen)

9a) Ангелина Бушуева (*1936).

Ангелина является со-основателем пермского Мемориала. Ее отец был убит во время Большого Террора в 1938 году. Несколько лет она провела в детских домах и потом в лагере в Казахстане. Ангелина хочет, чтобы ее историю услышали как можно больше людей, иначе ей было бы бессмысленно ее рассказывать.

(Фото: Д. Каррено Хансен)

9b) Angelina Bushueva (*1936).

„Wieso möchtet ihr meine Geschichte hören?“ fragt Angelina. Sie schaut in unsere erstaunten Gesichter und verdeutlicht, dass sie ohne eine Antwort nicht weiter sprechen wird. Die Interessenbekundungen der Gruppe überzeugen die rüstige Dame, ihre Familiengeschichte als Angehörige eines sogenannten Vaterlandsverrätters aus der Zeit der stalinistischen Repression zu erzählen.

(Foto: D. Carreno Hansen)

9b) Ангелина Бушуева (*1936).

«Почему вы хотите услышать мою историю?» - спрашивает Ангелина. Она смотрит на наши удивленные лица и дает понять, что без ответа на этот вопрос, она не будет рассказывать дальше. Заинтересованность студентов убедила эту пожилую женщину рассказать историю ее семьи, преследуемую как врага народа во время сталинских репрессий.

(Фото: Д. Каррено Ханзен)

Angelina Bushueva (*1936)

Angelina ist Mitbegründerin und Aktivistin von *Memorial Perm*. Ihr Vater ist während des *großen Terrors*¹ (1938) ermordet worden. Sie selbst verbrachte mehrere Jahre ihres Lebens in staatlichen Kinderheimen und in einem Lager in Kasachstan. Angelina möchte, dass ihre Geschichte verbreitet wird, sonst wäre es für sie sinnlos, sie zu erzählen.

„Ich liebe mein Leben“²

„Wieso möchtet ihr meine Geschichte hören?“ fragt Angelina nach einer kurzen Vorstellung ihrer Person. Sie schaut in unsere erstaunten Gesichter und verdeutlicht, dass sie ohne eine Antwort nicht weiter sprechen möchte. Die Interessenbekundungen der Gruppe überzeugen die rüstige Dame, ihre Geschichte – die Geschichte einer Familie, die als Angehörige eines sogenannten Vaterlandsver-

1 Als „Großer Terror“ wird die Verfolgungswelle in der Sowjetunion vom Herbst 1936 bis Ende 1938 bezeichnet, während der mehrere hunderttausend Menschen Opfer von Repressionen wurden.

2 Angelina Bushueva auf die Frage, welche Bedeutung die Gulag-Erfahrung auf ihr Leben hatte.

räters stalinistische Repression erfuhr – zu erzählen. Vieles von dem was sie berichtet, hat sie aus den Erinnerungen ihrer Mutter, Großmutter und ihrer Geschwister zusammengefügt. Angelina war erst zwei Jahre alt als ihre Mutter 1938 verhaftet und sie selbst in ein Kinderheim gebracht wurde, zu jung, um sich selbst zu erinnern.

Wie die Verfolgung begann

Angelinas Familie, eine Pastorenfamilie, geriet auf Grund ihrer Religiosität in den Fokus der Repressionsorgane. Die Kirche und ihre Vertreter wurden im stalinistischen Russland als Reaktionäre Kräfte betrachtet und verfolgt. Ihr Vater wurde 1937 verhaftet, im Januar 1938 erschossen. Angelina erzählt, dass nach der Verhaftung des Vaters die Familie 24 Stunden Zeit hatte das elterliche Haus zu verlassen, dann wurde es angezündet und brannte ab. Sie hat keine Erinnerungen und auch kein Bild von ihrem Vater, alle Bilder von ihm wurden vom Geheimdienst konfisziert. Eine gängige Praxis, um die Erinnerungen an den Menschen auszulöschen. Ihre Mutter, verhaftet 1938, deportier-

ten die Sowjets in ein kasachisches Lager.

Deportation ins Kinderheim

Angelina und ihre Geschwister wurden in staatlichen Kinderheimen getrennt untergebracht. Die Sowjetunion versuchte, Kinder von „Volksfeinden“ dem „schädlichen“ Einfluss ihres Umfelds zu entziehen, um diese in staatlicher Hand zu „neuen Menschen“³ erziehen zu können. Angelinas Name wurde ungewöhnlicher Weise nicht geändert und so war es ihrer Großmutter möglich sie zu finden und zu sich zu holen. Auch ihre Schwester konnte ausfindig gemacht werden. Für Angelina ist es bis heute beschämend, dass sie sich an ihre Geschwister nicht erinnern konnte, sie nicht erkannte. Damit wir nicht ohne Gesichter ihren Erinnerungen folgen müssen, reicht Angelina Gruppenfotos und Porträts ihrer Verwandten herum. Beim Zuhören wird die Bedeutung von Gesichtern für die Erinnerung der eigenen Geschichte spürbar.

3 Der Begriff des „neuen Mensch“ beschreibt die sowjetische Vorstellung den Menschen der Zukunft, der als Ideal, als sozialistisches Mitglied des Kollektivs per se, angestrebt wurde.

Zurück zur Mutter – in die Verbannung

Ihre Großmutter fuhr 1943 mit ihr und ihren Geschwistern nach Kasachstan. Ungläubig lauschten wir diesem Bericht und fragten nach, wieso ihre Großmutter die Kinder zur Mutter in die Welt der Lager und Verbannungssiedlungen brachte. Angelina schaut uns direkt an und erklärt, ihre Großmutter sei der Meinung gewesen, Kinder würden ihre Mutter brauchen.

Ihrer Mutter hatte ihre Lagerhaft inzwischen abgesehen und lebte im Exil in der Nähe des Lagers bei Akmolinsk. Dort blieb Angelina bis zu ihrem 11. Lebensjahr (1947), bis sie mit ihrer Familie zurück nach Perm ging.

„Als Kinder verstanden wir nicht, dass wir im Lager sind und dass es uns an etwas fehlt.“

Angelina berichtet, dass das Wiedersehen mit ihrer Mutter im Exil schrecklich war, da sie sich auch an ihre Mutter nicht mehr erinnern konnte. Ihre Mutter stand am Bahnhof in einer Wattejacke und einer weiten Hose. Für Angelina sah sie aus wie ein fremder Mann.

Das Leben in der Sondersiedlung war auch für die Kinder hart. Um ein Recht auf Nahrung zu haben, musste sie auch als Kind arbeiten. Ihre Arbeit bestand darin, Handschuhe zu stricken. Angelina erinnert sich, dass sie immer Angst vor dem Geräusch hatte, welches entsteht, wenn etwas über den Boden gezogen wird. Abends hörte sie häufig die Ochsen etwas ziehen, sie wusste, dass es sich dabei um Leichen handelte.

„Alles in allem zufrieden“

Trotz der Erlebnisse, die sie uns schildert, sagt sie, dass sie mit dem Leben im Lager überwiegend Gemeinschaft und den Kontakt und die Arbeit mit anderen Menschen verbindet. Als sehr belastend empfand sie das spätere Verschweigen ihrer Abstammung von „Volksverrättern“, da es die Kontaktaufnahme mit anderen Betroffenen erschwerte. Dies sei auch ein Grund für ihr Engagement bei *Memorial*. Angelina endet mit einem Lächeln, sie sei alles in allem zufrieden mit ihrem Leben.

Ангелина Бушуева (*1936)

Ангелина Бушуева – одна из основателей и активистов Общества «Мемориал» в Перми. Её отец был убит во время *Великого террора*¹ (1938). Она сама провела долгие годы в детском доме, а затем в лагере в Казахстане. Ангелина хотела бы повествовать свою историю всему миру, иначе рассказывать нет смысла.

«Я люблю свою жизнь»²

«Почему Вы хотите услышать мою историю?» - спросила Ангелина после короткого рассказа о себе. Она смотрела на наши удивленные лица, всем видом показывая нам, что без ответа на свой вопрос она не станет рассказывать. Ответы и заинтересованность группы убедили довольно бодрю даму преклонного возраста рассказать свою историю – историю семьи так называемого врага народа времен сталинских репрессий. Многие

¹ «Великим террором» называется волна преследований в Советском Союзе с осени 1936 до конца 1938 года, жертвами которой стали сотни тысяч граждан страны.

² Ответ Ангелины Бушуевой на вопрос, чем стали для неё годы, проведенные в ГУЛАГе.

по её словам она сама почерпнула из воспоминаний своей матери, своей бабушки и её братьев и сестер. Ангелине было всего два года, когда в 1938 году арестовали мать, а её саму поместили в детский дом. Она была слишком мала, чтобы что-то помнить.

Как все начиналось

Семья Ангелины попала в поле внимания репрессивных органов по религиозным убеждениям как семья служителя церкви. Церковь и её представители рассматривались в сталинской России как реакционные силы и за это подвергались преследованиям. Отца Ангелины арестовали в 1937 году, а в январе 1938 года он был расстрелян. Ангелина рассказывает, что после ареста отца у семьи было 24 часа, чтобы собрать вещи и покинуть родной дом. Затем дом подожгли и он сгорел дотла. У неё не осталось никаких воспоминаний об отце, никаких его фотографий. Все фотографии были конфискованы секретными службами. Это была обычная практика того времени – так полностью стиралась па-

мать о человеке. Мать Ангилины арестовали в 1938 году и депортировали в лагерь в казахские степи.

Пребывание в детском доме

Ангелину и её братьев и сестер поместили в разные детские дома. Советы пытались оградить детей врагов народа от «опасного влияния» их окружения и таким образом перевоспитать их в госучреждениях в «*новых людей*». Ангелине странным образом не изменили имени, что помогло её бабушке найти девочку и забрать её к себе. Удалось найти и её сестру. Ангелина до сих пор переживает, что она ничего не помнит о своих братьях и сестрах, что она их не узнала. Чтобы воспоминания не были безликими, Ангелина достала групповое фото и портреты её родных. Мы сразу отчетливо почувствовали, как важно для неё было присутствие её родных и насколько четкими стали воспоминания.

Назад к маме – в ссылку

В 1943 году бабушка вместе со всеми детьми отправилась в Казахстан. Не веря собственным

ушам, мы спросили, почему бабушка увезла детей к их матери в мир лагерей и поселений для ссыльных. Ангелина посмотрела нам глаза и сказала, что её бабушка считала, что детям нужна их мать.

Её мама к тому времени уже отсидела свой срок и теперь жила в ссылке в лагере недалеко от Акмолинска. Там Ангелина прожила до 11 лет, когда в 1947 году её семья вернулась в Пермь.

«Будучи детьми мы не понимаем, что мы находимся в лагере и нам чего-то не хватает.»

Ангелина рассказывает, что её первая встреча с матерью в лагере была очень тяжелой, так как она её совсем не помнила. Её мама стояла на перроне вокзала в телогрейке и широких штанах. Ангелина подумала, что это чужой мужчина.

Жизнь в спец. поселении была тяжелой и для детей. Чтобы получать питание, дети должны были работать. Их работа состояла в вязании перчаток. Ангелина вспоминает, что она всегда боялась услышать шуршащий звук,

как будто что-то тянут по полу. Вечерами она часто слышала шум тянущих что-то быков, она знала – это были трупы.

«Но в общем, довольна»

Несмотря на пережитое, о чем она нам только что поведала, Ангелина говорит, что с жизнью в лагере она связывает прежде всего общность, контакт и совместную работу с другими людьми. Позднее она тяжело переживала необходимость скрывать свое происхождение как дочери врага народа, так как это в дальнейшем осложняло контакт с другими потерпевшими. Это стало причиной её активности в обществе «*Мемориал*». Ангелина закончила с улыбкой на лице, что, в общем, она своей жизнью довольна.

9c) Zelma Germanovna Chebykina (*1937).
(Selma Germanovna Tchebykina)

Zelmas Familie kam in den 1820/30er Jahren auf Einladung des Zaren aus Holland in die Ukraine. Mit Beginn des Großen Vaterländischen Krieges 1941 wurden sie mit anderen, deutschen Mennoniten* aufgrund ihrer nicht russischen Identität verfolgt.

** (Mennoniten: evangelische Freikirche)*

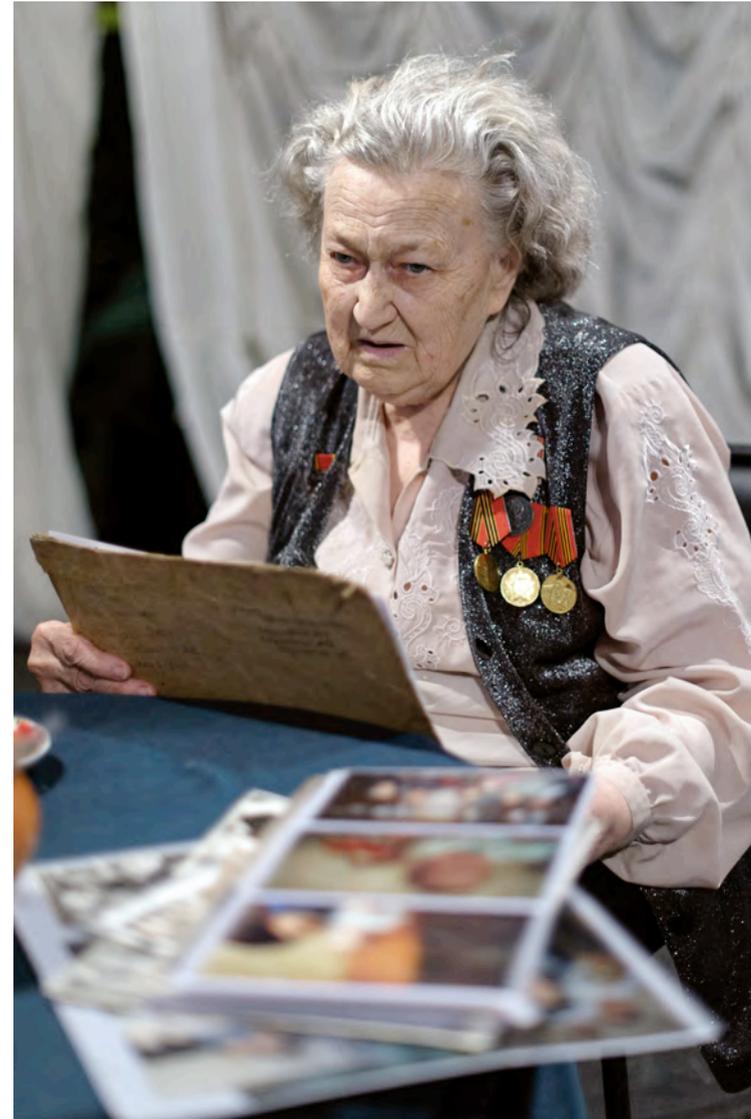
(Foto: D. Carreno Hansen)

9c) Зельма Германовна Чебыкина (*1937).

По приглашению царя семья Зельмы прибыла в Украину из Голландии в 1820-30-ые годы. С началом Великой Отечественной войны в 1941 году их, вместе с другими немецкими Меннонитами, начали преследовать по причине их происхождения.

**(Меннониты: одно из течений протестантизма)*

(Фото: Д. Каррено Хансен)

9d) Zelma Germanovna Chebykina (*1937).
(Selma Germanovna Tchebykina)

In den Kriegsjahren mussten die Männer aus Zelmans mennonitischer Familie in der Arbeitsarmee* dienen, Zelma wurde vertrieben, 1945 zurück in die Ukraine, von dort als angebliche Faschistin nach Kasachstan.

**(Arbeitsarmee: militarisierte Form der Zwangsarbeit)*

(Foto: D. Carreno Hansen)

9d) Зельма Германовна Чебыкина (*1937).

Во время войны, мужчины из меннонитской семьи Зельмы должны были работать в трудовой армии. Сама Зельма была выслана в 1945 году в Украину, а из Украины ее сослали в Казахстан (обвиняя в том, что она якобы являлась приверженкой фашизма).

**(Трудовая армия: военизированная форма каторжных работ)*

(Фото: Д. Каррено Хансен)

Zelma Chebykina (*1937)

(Tchebykina, Selma Germanovna)

Eingeladen und Vertrieben

Zelmas Familie kam in den 1820-30er Jahren auf Einladung des Zaren aus Holland in die Ukraine. Sie waren gläubige Mennoniten und siedelten sich in Gnadenfelde gemeinsam mit deutschsprachigen Mennoniten an. Mit Beginn des Großen Vaterländischen Krieges 1941 wurden sie aufgrund ihrer nicht russischen Identität der Kollaboration mit den Deutschen verdächtigt und die Männer mussten in der Arbeitsarmee dienen. Im Zuge des Krieges wurde Zelma zu einer Displaced Person (DP) und durch die Rote Armee 1945 von Polen aus in die Ukraine zurückgebracht. Dort angekommen bezeichneten sie Ukrainer als Faschisten und sie wurden als Kollaborateure nach Kasachstan deportiert.

Stolz und aufrecht

Zelma Chebykina ist eine resolute alte Dame, die, wie um das Gesagte zu unterstreichen, aufsteht, wenn sie zu sprechen beginnt. An ihr Revers hat sie verschiedene Or-

den geheftet, sowohl aus der Sowjetzeit als auch danach. Auf Nachfrage erzählt sie, dass sie sie wegen ihrer Lagerhaft verliehen bekommen hat und schaut stolz in die Runde. Chronologisch beginnt sie ihre Erinnerungen zu erzählen, stehend auf ihren Stock gestützt. Erst auf den Hinweis der Übersetzerin, es sich doch bequemer zu machen, setzt sie sich.

Eine Kindheit Zwischen den Fronten

Zu Beginn des Krieges (1941) war sie 4 Jahre alt. Die historische Situation sei ihr damals nicht bewusst gewesen. Erst am letzten Arbeitstag ihres Vaters ist ihr klar geworden, dass etwas Schreckliches passiert ist, berichtet sie. Zelma zeigt ein Foto ihres Vaters als Hauptbuchhalter in einem Viehzuchtbetrieb. Sie erzählt, dass viele Menschen ihre Arbeitsplätze verlassen und in der „Arbeitsarmee“ dienen mussten, weil sie keine Russen waren. Da ihr Vater jedoch eine leitende Stellung hatte, verließ er sie erst spät.

Zelmas Vater nahm sie an dem Tag mit zur Arbeit, als er von seiner Ein-

berufung erfuhr. Zuhause sagte er zu seiner Frau lediglich: „Morgen!“, und sie wusste, worum es ging. Am nächsten Tag verließ die Familie früh das Haus, um den Vater zum Bahnhof zu bringen. Zelma wurde von ihm auf dem Arm getragen. Da fiel ihr auf, dass er entgegen seiner Gewohnheit keine Stecknadel am Kragen trug. Sie rannte nach Hause, schlug sich die Knie blutig und schaffte es gerade noch, ihm eine Nadel zu bringen. Beim Wiedersehen 1945 gab er ihr die Nadel wieder, sie war für ihn zu einem Zeichen der Familie geworden, das ihn stets an zu Hause erinnert hatte.

Die Zwangsumsiedlung

Als Zelmas Vater zur Arbeitsarmee musste, sollte die Familie zwangsumgesiedelt werden. Mit wenig Gepäck wurden sie in einem Anhänger zum Bahnhof gebracht, um von dort aus in die Lager Sibiriens und Kasachstans umgesiedelt zu werden. Doch sie mussten an der Station einige Tage warten, ohne Essensrationen und im Ungewissen. Am Himmel tauchte ein deutscher Aufklärer auf. Zelma erinnert sich, dass ihnen klar war, weitere

Flugzeuge würden folgen. Da die Station nahe der Front lag, begannen die Rotarmisten, sie zu sprengen. Zelma beschreibt das schwer nachzuvollziehende Inferno mit den Worten: Unten die Sprengungen – oben die Bomben.

Infolge dieses Angriffes und der Sprengungen wurde sie an der Wirbelsäule verletzt, eine Verwundung, die ihr über die Kriegszeit hinaus Schmerzen brachte. Immer wieder macht Zelma deutlich, welche Ängste sie in jener Zeit ausstehen musste.

Überleben im Versteck

Die engsten Verwandten waren mit ihrer Mutter bei der ohnmächtigen Zelma geblieben und brachten sie zurück ins Dorf. Doch dann gab es einen Spionagevorwurf: Die Fahrt ihres Vaters mit einem Zug voller technischer Geräte an die Front zur Roten Armee sei an die Faschisten verraten worden. Mehrere Familienmitglieder wurden daraufhin hingerichtet. Zelma meint, ihre Mutter habe keine Zeit zum Nachdenken gehabt. Mit Hilfe von Freunden wurden sie in einem Keller versteckt, in dem Zelma lebte,

bis ihr Großvater sie ausfindig gemacht hatte. Die Gefahr erschossen zu werden sei immer präsent gewesen.

Der Duft von frisch gebackenem Brot

Bis zur Deportation 1943 durch die Nazis lebte Zelma bei ihrem Opa und versorgte dort seinen Haushalt und den ihrer Tante. Sie berichtet, wie schwer diese Arbeit für sie als sechsjähriges Kind gewesen sei. Mit einem Lächeln berichtet sie, wie sie häufig durch den Duft von frisch gebackenem Brot wach wurde. Sie kann sich bis heute nicht erklären, für wen gebacken wurde und mutmaßt: für Partisanen?

Evakuierung und Leben im Treck

Nach dem faschistischen Evakuierungsbefehl wurde wieder gepackt und Vieh geschlachtet, da sie ja nicht auf der Reise versorgt werden würden. Erst brachten die Deutschen sie in ein anderes Dorf, in dem sie mehrere Wochen lebten. Es war Herbst und langsam begann es kalt zu werden. Dann wurden Trecks gebildet, von wem und zu welchem Zweck, daran erin-

net sich Zelma nicht. Diese Trecks zogen mehrere Monate durch das Land, schliefen unter freiem Himmel, waren dem Wind, der Sonne und dem Regen schutzlos ausgesetzt. Eines Morgens, nahe einem Dorf, kam es zu einer großen Aufregung. Über dem Lagerfeuer fanden sie einen der Bewacher aufgeknüpft, Zelma vermutet wider: Partisanen?

„Endlich hatten wir wieder ein Dach über dem Kopf.“

Nach Monaten der Desorientiertheit war das vorläufige Ziel ihrer Reise Polen. Mit einem klaren Blick schaut Zelma in die Runde und sagt: „Endlich hatten wir wieder ein Dach über dem Kopf.“ Weiter berichtet Sie von der Herzlichkeit, mit der eine polnische Familie sie aufgenommen hat, ihre Wäsche wusch und unter den Weihnachtsbaum auch Geschenke für ihre Gäste legte. Im Frühjahr 1944 kamen sie in Posen ein kurze Zeit in ein Lager für Displaced Persons (DP). Zelmans Mutter und Brüder wurden zur Arbeit in einem Ziegelsteinwerk eingeteilt. Zelma meint, sie wurden nicht erschossen, weil ihre Pässe

sie als Russlanddeutsche auswiesen. Während Zelma von der ständige Angst erschossen zu werden berichtet, werden dem Publikum die Folgen des Lebens zwischen den Fronten deutlich.

Wieder im Treck

Im Januar 1945 bekam die Familie einen neuen Evakuierungsbefehl. Mit einem geschenkten Handwagen reihten sich Zelma, ihre Mutter und die Brüder in einen der sich bildenden Trecks ein. Da die Trecks jedoch unorganisiert und schlechter bewacht waren als der vorherige, konnten sie fliehen. In einem Schloss fand die nun kleine Gruppe für eine Nacht Unterschlupf und wurde dort von der Roten Armee aufgegriffen. Befragt, wo sie denn hin wollten, antworteten sie: nach Hause. Die Rotarmisten stuften sie als ungefährlich ein, aber in der Ukraine wurde Zelma wieder als „deutsche Faschistin“ beschimpft und mit Steinen beworfen.

Wieder verschleppt und verbannt

Weil sie als Vaterlandsverräter eingestuft wurden, eine gängige Praxis in der UdSSR, wenn Menschen aus

deutscher Gefangenschaft zurückkehrten, verschleppten die Sowjets Zelma und ihre Familie nach Kasachstan in ein Lager. Das Leben im Lager war auch wegen der Sprache sehr schwer. Sie habe in der Ukraine Platt und Ukrainisch gesprochen, in Polen Hochdeutsch, doch in Kasachstan konnten sie sich nur schwer verständigen, erinnert sich Zelma.

Und zum Schluss ein Wiedersehen

Freude breitet sich über ihr Gesicht aus, als Zelma vom Wiedersehen mit ihrem Vater berichtet. Ihr Vater habe in der Arbeiterarmee so gute Arbeit geleistet, dass er außerhalb eines Lagers bei Perm leben durfte und seine Familie zu sich holen konnte, erklärt sie. Im Dezember kurz vor Neujahr trafen sie ihn in Perm. Stolz erinnert sie sich daran, wie sie die einzige war, die er erkannte. Der Vater hatte für alle ein Geschenk. Für ihren Bruder Briefmarken, für ihre Schwestern Fotos und für Zelma – die Stecknadel.

Зельма Чебыкина (*1937)

(Чебыкина Зельма Германовна)

Приглашены и насильственно переселены

Семья Зельмы переселилась в Украину в 1820-1830-ые годы из Голландии по приглашению русских царей. Они были менонитами и поэтому поселились в Гнаденфельде вместе с немецкоговорящими менонитами. С началом Великой Отечественной Войны в 1941 году они как люди «не русского» происхождения все попали под подозрение в сочувствии немцам. Все мужчины были направлены на работы в Трудармию. Во время войны Зельма попала в лагерь для переселенных лиц со статусом Displaced Person (DP) и, освобожденная Красной армией, в 1945 году была отправлена из Польши назад в Украину. Когда она туда вернулась, украинцы называли её «фашисткой», а семья затем как «сочувствующие» была выслана в Казахстан.

С гордо поднятой головой

Зельма Чебыкина – энергичная пожилая дама, которая встает

когда начинает о чем-то говорить, как будто хочет подчеркнуть значение слов. На лацкане её безрукавки различные ордена как советские так и современной России. На вопрос о них она с гордостью говорит, что получила их за годы в лагере. Опираясь на свою трость, она начинает вспоминать события своей жизни в хронологическом порядке. Только после просьбы переводчицы присесть, она присаживается на стул.

Детство между фронтами

К началу войны (1941) Зельме было 4 года. Она не понимала тогда исторической ситуации. Только в последний рабочий день её отца она поняла, что случилось что-то страшное, рассказывает Зельма. Она показывает фотографию своего отца – главного бухгалтера скотоводческого хозяйства. Она говорит, что тогда многих лишили их рабочих мест и они должны были работать в «Трудармии», так как они были не русские. Так как её отец занимал достаточно высокий пост, он покинул их относительно поздно. В день, когда он узнал о своем

призыве, отец Зельмы взял её с собой на работу. Дома, обратившись к своей жене, он только произнес «Завтра!». Она сразу все поняла. На следующее утро вся семья вышла из дома, чтобы проводить отца до вокзала. Зельма была на руках отца, когда заметила, что на его воротнике нет булавки, как это всегда было раньше. Она понеслась домой, разбила в кровь колени, но как раз успела принести ему булавку. Когда в 1945 году они вновь встретились, он отдал ей эту булавку назад. Она стала для него символом семьи и постоянно напоминала ему о родных.

Насильственное переселение

Пока отец Зельмы находился в Трудармии, семья была насильственно переселена. С несколькими чемоданами вещей их в прицепе доставили на вокзал, откуда их должны были транспортировать в лагерь Сибири и Казахстана. Но этого они дожидались на станции несколько дней без питания и в полном неведении. В небе появился немецкий самолет-разведчик. Зельма вспоминает, что стало понятно,

что будут еще и другие самолеты. Так как станция находилась вблизи линии фронта, красноармейцы стали её взрывать. Зельма описывает происходившую катастрофу словами: «Снизу подрывы – сверху бомбы»

В результате этого налета и взрывов на земле Зельма получила тяжелое ранение позвоночника. Его последствия и сильные боли она ощущала всю войну и еще долгие годы после неё. Постоянно Зельма дает понять, какие страхи её преследуют с того времени.

Выжить в тайном месте

Ближайшие родственники вместе с мамой остались с раненой Зельмой, которая была без сознания. Потом они перевезли её обратно в деревню. Но тут они были обвинены в шпионаже: кто-то рассказал фашистам о поездке отца в поезде полным технических приборов на фронт в Красную армию. Многие члены семьи были из-за этого расстреляны. Зельма думает, что у её мамы не было времени подумать. С помощью друзей они укрылись в подвале, где Зельма жила, пока их

не нашел её дедушка. Опасность быть расстрелянными нависала над ними долго.

Запах свежеепеченного хлеба

До депортации в 1943 году фашистами Зельма жила у своего дедушки и выполняла работу по их дому и дому её тети. Она рассказывает, насколько тяжелой была эта работа для шестилетнего ребенка. С улыбкой она говорит, как очень часто просыпалась от запаха свежеепеченного хлеба. До сих пор она не может себе объяснить, для кого пекли этот хлеб и предполагает: для партизан?

Эвакуация и жизнь в колонне беженцев

После приказа фашистов об эвакуации снова паковали вещи забивали скотину, так как животных не было возможности взять с собой. Сначала немцы доставили их в другую деревню, где они провели несколько недель. Это было осенью, становилось холодно. Затем были созданы колонны беженцев. Кто их создавал и с какой целью, Зельма не знает. Эти колонны двигались

по стране долгие месяцы; люди спали под открытым небом, продуваемые ветром, беззащитные против солнца и дождя. Как-то утром возле какой-то деревни произошло странное событие. На месте остановки возле костра был найден зарезанным надсмотрщик. Зельма опять предполагает: партизаны?

«Наконец-то, крыша над головой»

После долгих месяцев дезориентации они достигли предварительную цель своего путешествия – Польшу. Прямым взглядом окинув собравшихся, Зельма говорит: «Наконец-то, у нас снова появилась крыша над головой». Далее она рассказывает о доброте, с которой её приняла одна польская семья. Эти люди стирали её бельё и даже дарили подарки на рождество. Весной 1944 года в Познани они попали на короткое время в лагерь для переселенных лиц со статусом Displaced Person (DP). Мама и братья Зельмы были распределены на работу на кирпичный завод. Зельма считает, что их не расстреляли потому, что в их

паспортах стояло, что они являются немцами, хоть и из России. Пока Зельма рассказывает о преследовавшем её по всюду страхе быть расстрелянной, публика в зале начинает понимать, что значит жить между фронтами.

Снова беженцы

В январе 1945 семья получила новый приказ об эвакуации. С тележкой в руках, которую им подарили, Зельма, её мама и братья присоединились к одной из колонн переселенцев. Так как эти колонны были плохо организованы и почти не охранялись, они могли скрыться. В одном из замков их небольшая группа расположилась на ночлег и была там обнаружена Красной армией. На вопрос, куда они направляются, люди ответили: домой. Красноармейцы определили их как неопасных, но в Украине Зельму снова называли «немецкой фашисткой» и забрасывали камнями.

Опять перемещенные и высланные

Так как они были определены как предатели Родины, что было

тогда обычной практикой в Советском Союзе по отношению к людям, вернувшимся из немецкого плена, советы депортировали Зельму и всю семью в один из лагерей Казахстана. Жизнь в лагере осложнялась еще и из-за языка. В Украине он разговаривали на немецком наречии Плятт и на украинском языке, в Польше – на современном немецком языке. Но Казахстане, как вспоминает Зельма, им было очень трудно находить общий язык с другими и общаться.

И, наконец-то, встреча

Радость появилась на лице Зельмы, когда она стала рассказывать о встрече со своим отцом. Её отец хорошо работал в Трудармии, поэтому ему позволили жить в Перми вне лагеря и перевезти к себе свою семью, поясняет она. В декабре, незадолго до Нового года, они встретились в Перми. С гордостью она вспоминает, что была единственной, кто его узнал. Отец приготовил каждому подарки: для братьев – почтовые марки, для сестер – фотографии, а для Зельмы – булавку.

10) „NKWD-Gefängnis Nr. 2“ – Puppentheater – Museum? | «Тюрьма НКВД №2» – Кукольный театр – Музей?

10) „NKWD-Gefängnis Nr. 2“ – Puppentheater – Museum? | «Тюрьма НКВД №2» – Кукольный театр – Музей?

10a) Gefängnis Nr. 2 des Inlandsgeheimdienstes des NKWD in Perm.

Text der Informationstafel:

„In den 30-40 Jahren des vergangenen Jahrhunderts befand sich hier das NKWD-Gefängnis №2. Hier waren politische Gefangene inhaftiert, litten unsere Verwandten und Bekannten, tausende Märtyrer des stalinschen Lagersystems GULAG.

Zur Erinnerung an sie eröffnet Memorial Perm die Ausstellung ‚VERGISS UNS NICHT!‘. Das ist der erste Schritt zur Errichtung des Museums der Geschichte des NKWD-Gefängnisses №2. - Besucheranfragen: Tel. 8 (342) 282-54-42. - E-Mail: pmem@yandex.ru“

(Foto: D. Carreno Hansen)

10a) Тюрьма НКВД №2 в Перми.

Надпись на табличке:

«В 30-40ые годы прошлого столетия в этом здании располагалась тюрьма НКВД №2. Здесь под стражей находились политические заключенные, страдали наши близкие и родные, сотни мучеников сталинского ГУЛАГа.

В память о них пермское общество «Мемориал» открывает памятную вставку «Не забудьте нас!», которая станет первым шагом к созданию Музея истории тюрьмы НКВД №2.

Желающие посетить музей, могут оставить заявку по телефону 8 (342) 282-54-42.

E-Mail: pmem@yandex.ru»

(Фото: Д. Каррено Хансен)

10) „NKWD-Gefängnis Nr. 2“ – Puppentheater – Museum? | «Тюрьма НКВД №2» – Кукольный театр – Музей?

10b) Der Gefängnistrakt heute.

Alexander Kalich, Gründer von Memorial Perm, führt durch einen Flügel des ehemaligen Gefängnistraktes, der heute noch in dem Gebäude existiert.

(Foto: D. Carreno Hansen)

10b) Здание тюрьмы сегодня.

Александр Калих, основатель Пермского Мемориала, ведет нас через крыло бывшей тюрьмы НКВД, которое сохранилось в исходном состоянии до сих пор.

(Фото: Д. Каррено Хансен)

10) „NKWD-Gefängnis Nr. 2“ – Puppentheater – Museum? | «Тюрьма НКВД №2» – Кукольный театр – Музей?

10c) Puppentheater im ehemaligen Gefängnis.

Drei Jahre nach der Schließung des politischen Gefängnisses wurde in dem Gebäude 1956 ein Kindertheater, später ein Puppentheater eingerichtet. Heute verhandelt Memorial mit dem Jugendtheater über die Einrichtung eines Museums zur Geschichte der politischen Verfolgung.

(Foto: M. Mühle)

10c) Кукольный театр в бывшей тюрьме НКВД.

Спустя три года после закрытия тюрьмы, в 1956 году в этом здании был открыт театр для детей, позже кукольный театр. Сегодня Мемориал ведет переговоры с руководством кукольного театра по организации музея истории политических репрессий.

(Фото: М. Мюле)

10) „NKWD-Gefängnis Nr. 2“ – Puppentheater – Museum? | «Тюрьма НКВД №2» – Кукольный театр – Музей?

10d) Im Hof des ehemaligen Gefängnisses.

In den Jahren des großen Terrors 1937-38 war das Durchgangsgefängnis so überfüllt, dass die Häftlinge oft nicht genügend Platz zum Sitzen und Liegen hatten.

(Foto: D. Carreno Hansen)

10d) Во дворе бывшей тюрьмы НКВД.

В годы «Большого Террора» в 1937-38 гг. тюрьма была настолько переполнена, что у заключенных часто не было достаточно места, чтобы лечь или сесть.

(Фото: Д. Каррено Хансен)

11) Dobrjanka – eine Stadt, vier Gedenkorte | Добрянка – один город, четыре места памяти

11a) Denkmal für die Opfer des „Großen vaterländischen Krieges“ in Dobrjanka.

Inschrift des Denkmals:

*„Die dankbare Mutter Heimat
wird ewig stolz sein
auf das heldenhafte Vorgehen
ihrer mutigen Söhne und Töchter“*

(Foto: H. Berthold)

11a) Памятник жертвам Великой Отечественной войны в Добрянке.

Надпись на памятнике:

*«Благодарная Родина-мать
будет вечно гордиться
богатырским подвигом
отважных сынов и дочерей своих»*

(Фото: Х. Бертольд)

11b) Grabstätten deutscher Kriegsgefangener auf dem Alten Friedhof in Dobrjanka.

Der genaue Ort wurde im Rahmen einer Studentenbegegnung 2011 ausfindig gemacht. Seitdem erinnert ein Gedenkstein:

*„Hier befinden sich Grabstätten
deutscher Kriegsgefangener
des Lagers Nr. 207 MWD SSSR
(1945 -1947)“*

(Foto: D. Carreno Hansen)

11b) Место захоронения немецких военнопленных на старом кладбище в Добрянке.

Точное место захоронения немецких военнопленных было найдено участниками волонтерского лагеря «Преодоление» в 2011 году.

Надпись на мемориальной табличке:

*«Здесь находится место захоронения
немецких военнопленных
Лагеря № 207 МВД СССР
(1945-1947)»*

(Фото: Д. Каррено Ханзен)

11) Dobrjanka – eine Stadt, vier Gedenkorte | Добрянка – один город, четыре места памяти

11c) Gedenkstein für die Opfer der Repression in Dobrjanka.

Inschrift:

„Ewiges Gedenken den Menschen, die unschuldige Opfer der Jahre politischer Repression 1920-1950 im Gebiet Dobrjanka wurden.“

(Foto: D. Carreno Hansen)

11c) Памятник жертвам политических репрессий в Добрянке.

Надпись:

«Вечная память безвинно пострадавшим в годы политических репрессий 1920-1950-х гг. в Добрянском районе»

(Фото: Д. Каррено-Хансен)

11d) Erinnerungstafel für die Metallfabrik, die Dobrjanka zur Stadt wachsen ließ (1752-1956).

Diese Tafel und ein Gedenkstein benennen den Einsatz von Kriegsgefangenen in der Fabrik nicht.

(Foto: H. Berthold)

11d) Мемориальная табличка металлургического завода, благодаря которому Добрянка стала городом.

На этой мемориальной доске и на камне не упоминается участие военнопленных в работе завода.

(Фото: Х. Бертольд)

12) Andrej Konjuchow – Schicksal eines Vermissten | Андрей Конюхов – судьба пропавшего без вести

12a) Zeitzeugengespräch.

Lange Jahre wussten Margarita Beklemysheva und Galina Konjuchowa nicht, was ihrem Onkel Andrej Konjuchow nach seiner Gefangennahme durch die Deutschen im Jahr 1941 widerfahren war.

Im Jahr 2011 konnte eine Studentengruppe mit dem Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e. V. und Memorial Perm den Nichten Gewissheit über sein Schicksal verschaffen.

(Foto: J. Schgalin)

12a) Разговор с очевидцами того времени.

На протяжении долгого времени Маргарита Беклемышева и Галина Конюхова ничего не знали о судьбе своего дяди Андрея Конюхова, после того как он попал в плен в 1941 году.

В 2011 году волонтеры летней школы «Преодоление» совместно с Народным Союзом Германии по уходу за военными могилами и Пермским Мемориалом смогли предоставить племянницам Андрея Конюхова достоверные сведения о его судьбе.

(Фото: Й. Шгалин)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
Personalkarte I: Personelle Angaben STALAG XB Sandbostel Kriegsgefangenen-Stammlager:												Bezeichnung der Gefangenschaft: Nr. 122503 Lager: STALAG XB												
Name: KONJUCHOW <i>Конюхов</i>												Eingangsangehörigkeit: <i>rusisch (russisch)</i>												
Vorname: ANDREI <i>Андрей</i>												Dienstgrad: <i>Soldat 14p.17</i>												
Geburtsort und -ort: <i>8/VI. 1918 Molokowskaja d. Perm'kol.</i>												Truppenteil: <i>12.T.R. Komp. ulw.</i>												
Religion: <i>Orthodox</i>												Vollberuf: <i>Bauer</i> Berufs-Gr.: _____												
Vorname des Vaters: <i>Nikolai</i>												Matrikel Nr. (Stammrolle des Heimatortes): _____												
Nachname der Mutter: <i>Boldina</i>												Gefangenenname (Ort und Datum): <i>Y. W. 41 Dnepr</i>												
Ob gesund, krank, verwundet, eingeliefert: _____																								
Bild												Nähere Personalbeschreibung												
												Größe: <i>175</i> Haarfarbe: <i>blond</i> Besondere Kennzeichen: _____ Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat des kriegsgefangenen: <i>Konjuchowa d. Tante Molokowskaja ob Dobryjanskiy d. Perm'kol.</i> <i>Командов люка</i> <i>мол. от об. ад.</i> <i>добрынский пр.</i> <i>г. Пермь кол.</i>												
gem. d. Listen, Erk. <i>13821-136262</i> STALAG XB Sandbostel 10.2.43.												10.2.43.												
Verstorben: <i>10/2. 1943 im Lazarett Sandbostel</i> Name: <i>Konjuchow</i>												Verstorben: <i>10/2. 1943 im Lazarett Sandbostel</i> Name: <i>Konjuchow</i>												

12b) Personalkarte aus dem Stalag XB Sandbostel.

Andrej Konjuchow geriet am 4.8.1941 in deutsche Gefangenschaft. Konjuchow, im Zivilberuf Lehrer, gab sich zum Schutz als Bauer aus. Ab 16.7.1942 musste er im Arbeitskommando 7013 Zwangsarbeit in Bremen-Farge verrichten. Am 10. Februar 1943 starb er im „Lazarett“ des Kriegsgefangenenlagers Sandbostel, wahrscheinlich aufgrund von Entkräftung und mangelnder medizinischer Versorgung.

(Foto: Stiftung Lager Sandbostel)

12b) Личная карточка из Шталага XB лагеря Зандбостель.

Андрей Конюхов попал в плен 4.8.1941. Конюхов, по профессии учитель, чтобы спастись, выдал себя за крестьянина. С 16.7.1942 года в составе рабочей команды 7013 он был отправлен на каторжные работы в Бремен-Фарге. 10 февраля 1943 года он умер в «лазарете» лагеря для военнопленных Зандбостель, скорее всего по причине истощения и недостаточного медицинского обслуживания.

(Фото: Фонд лагеря Зандбостель)

12c) Familiendokumente.

Über die Nichten Konjuchows lernten die Studenten die Biographie des Andrej Konjuchow kennen.

Fotografien zeigen ihn als Zivilisten im Kreis seiner Familie und das Haus, in dem er lebte. Konjuchow war vor dem Krieg Lehrer und liebte es zu fotografieren.

Diese biographischen Dokumente wurden der Gedenkstätte Lager Sandbostel für ihre pädagogische Arbeit zur Verfügung gestellt.

(Vorlage: Galina Konjuchowa)

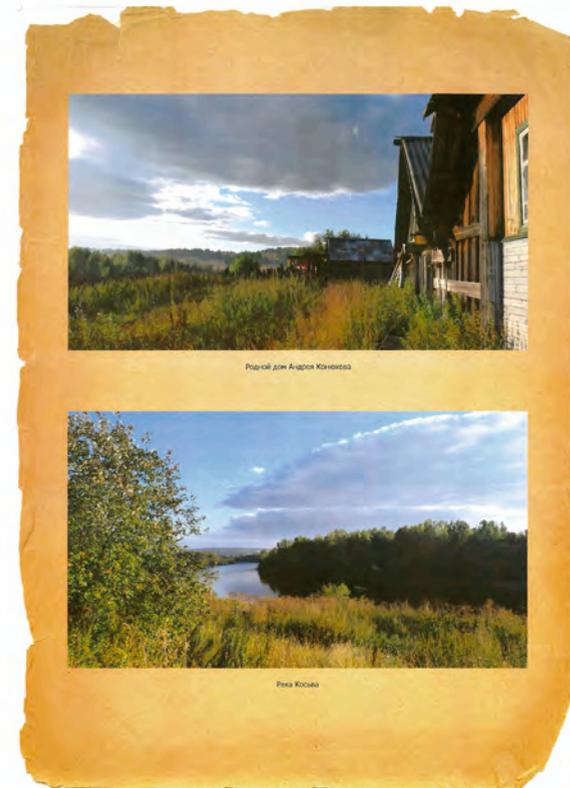
12c) Семейные документы.

От племянниц Конюхова волонтеры узнали о жизни Андрея Конюхова.

На фотографиях мы видим Андрея с его семьей около дома, в котором он жил. До войны Конюхов был учителем и любил фотографировать.

Эти документы были предоставлены мемориальному комплексу Зандбостель для проведения педагогической работы.

(Оригинал: Галина Конюхова)

12d) Gedenkprojekt: Namensziegel.

In Vorbereitung der Sommeruniversität Hannover - Perm haben wir für Andrei Konjuchow in der Gedenkstätte Lager Sandbostel einen Namensziegel angefertigt. Dieser Ziegel soll die Person Konjuchows aus der Anonymität des Massengrabes hervorheben.

Die Stiftung Lager Sandbostel und der Volksbund initiierten das Namensziegel-Projekt, um die Identität verstorbener Kriegsgefangener sichtbar zu machen.

In diesem Lager starben nach Schätzungen zwischen 10 000 und 30 000 sowjetische Kriegsgefangene.

(Foto: C. Pliska / F. Huneke)

12d) Проект памяти: Таблички с именами.

При подготовке летней школы Ганновер-Пермь мы изготовили для Андрея Конюхова табличку с его именем в мемориальном музее Зандбостель.

Эта табличка должна выделить личность Андрея Конюхова из анонимной братской могилы. Фонд лагеря Зандбостель и Народный Союз стали инициаторами проекта именных табличек, чтобы обозначить личности погибших военнопленных.

По примерным подсчетам в этом лагере погибли от 10 000 до 30 000 советских военнопленных.

(Фото: К. Плиска/Ф. Хунеке)

13) VS-389/36 – Speziallager für „besonders gefährliche Staatsverbrecher“ | ВС-389/36 – Спецлагерь для «особо опасных политических преступников»

13a) Von drei „Permer Politlagern“ zur Gedenkstätte: „Perm 36“ im Dorf Kucino heute.

Zu den Häftlingen zählten namhafte Vertreter der nationalen Bewegungen in der UdSSR, der Menschenrechtsbewegung und religiöser Gruppen, bis zur Schließung 1987. Das Lagergelände wurde von Memorial als Gedenkstätte eingerichtet, um an das Schicksal der hier inhaftierten politisch Verfolgten zu erinnern. Als authentische Gedenkstätte der Repression ist das Museum Perm 36 in Russland einzigartig.

(Foto: B. Funke)

13a) Из трех «Пермских политлагерей» к одному мемориальному месту: «Пермь-36» в деревне Кучино сегодня.

Основной контингент заключенных до закрытия в 1987 году составляли известные представители национальных движений в СССР, движений по защите прав человека и религиозных групп. Территория лагеря была превращена в мемориальный музей благодаря молодежной организации «Мемориал», целью которой является сохранение памяти о политических заключенных, содержащихся в этом лагере вплоть до 1987 года. «Пермь 36» является единственным в России музеем истории политических репрессий в своем роде.

(Фото: Б. Функе)

13b) Gedenkstätte am Ort des Lagers „Perm 36“.

Aleksandr Kalich, Gründungsvorsitzender von Memorial Perm, setzte sich seit Beginn der 1990er Jahre für die Gedenkstätte ein. Da Teile des originalen Geländes vom Innenministerium eingeebnet worden waren, werden seit 1995 in russischen und seit 1998 in internationalen Jugendworkcamps Rekonstruktionsarbeiten durchgeführt. Jährlich findet das Festival „Bürgerforum Pilorama“ in der Gedenkstätte statt. Seit einigen Jahren unterstützt die Gebietskörperschaft Perm die Gedenkstätte.

(Foto: D. Carreno Hansen)

13b) Мемориальный музей на месте бывшего лагеря «Пермь 36».

Александр Калих, основатель пермского Мемориала, с начала 90-х гг. работал над созданием мемориального комплекса. По приказу МВД многие сооружения на территории бывшего лагеря были разрушены, поэтому начиная с 1995 года организация Мемориал организует межрегиональные и международные (с 1998 г.) волонтерские лагеря по восстановлению и реконструкции. Ежегодно на территории музея проходит гражданский форум «Пилорама». С недавнего времени мемориальный музей поддерживается на региональном уровне.

(Фото: Д. Каррено Хансен)

13) VS-389/36 – Speziallager für „besonders gefährliche Staatsverbrecher“ | ВС-389/36 – Спецлагерь для «особо опасных политических преступников»

13) VS-389/36 – Speziallager für „besonders gefährliche Staatsverbrecher“ | BC-389/36 – Спецлагерь для «особо опасных политических преступников»

13c) „Lager in tiefster Einöde ...“.⁽¹⁾

Das Arbeitslager ITK-6 wurde 1946 aufgebaut. Die weite, heute nahezu baumlose Landschaft rund um das Lager ist eine Folge der Baumfällarbeiten durch die Häftlinge. Die verkehrsgünstige Lage des ITK-6 am Fluss Chusovoj trug zum Fortbestand des Lagers nach den Rodungsarbeiten bei.

(1) Zitat aus den Memoiren des ehemaligen Dissidenten und Häftlings Wladimir Bukowskij (1978, 314), nach: Manuela Putz 2010, 10).

(Foto: H. Berthold)

13c) «Лагерь в глубокой глуши...».⁽¹⁾

Рабочий лагерь ИТК-6 был создан в 1946 году. Широкие просторы и отсутствие леса на данной территории являются следствием лесоповальных работ, проводимых заключенными лагеря. Удобное расположение лагеря ИТК-6 на реке Чусовой способствовало его долгому существованию.

(1) Цитата из воспоминания бывшего диссидента и заключенного Владимира Буковского (1978, 314), по: книге Мануэлы Путц, 2010, 10).

(Фото: X. Бертольд)

13d) Gewissenshäftlinge.

Am 13. Juli 1972 wurden die ersten politischen Häftlinge in einer geheimen Nacht- und Nebel-Aktion aus einem Lager in Mordowien hier eingeliefert, das Lager wurde zu einem Gefängnis für politische Dissidenten umgebaut. 1984 starben hier der ukrainische Historiker Oleksa Tychyj, der Journalist J. Litwin, der Lyriker Walerij Martschenko, 1985 der Lyriker Wasil Stus., um nur einige Namen zu nennen. Der ehemalige Dissident und politische Häftling Sergei A. Kowaljow (geb. 1930) wurde von 1993 bis 1995 Vorsitzender der Menschenrechtskommission des russischen Präsidenten.

(U.a. nach: Manuela Putz (2009), 11, und Hans Chr. Buch in: DIE ZEIT, 13.9.1985)

(Foto: H. Berthold)

13d) Узники совести.

Во время секретной операции «Ночь и туман» 13 июля 1972 года сюда были доставлены первые политические заключенные из лагеря Мордовии. Лагерь был переоборудован в тюрьму для политических диссидентов. В 1984 году здесь погибли украинский историк Олекса Тихий, журналист Юрий Литвин, лирик Валерий Марченко и в 1985 году лирический поэт Василь Стус. Это только малая часть погибших.

Бывший диссидент и политический заключенный Сергей Адамович Ковалев (*1930) работал в период с 1993 по 1995 гг. в качестве председателя комиссии по правам человека при президенте РФ.

(В т.ч. Мануэла Путц (2009), 11 и Ганс Кристоф Бух, «Ди Цайт», 13.9.1985)

(Фото: Х. Бертольд)

13) VS-389/36 – Speziallager für „besonders gefährliche Staatsverbrecher“ | ВС-389/36 – Спецлагерь для «особо опасных политических преступников»

14) VS-389/36 – Speziallager für „besonders gefährliche Staatsverbrecher“ | ВС-389/36 – Спецлагерь для «особо опасных политических преступников»

14a) Am Lagerzaun.

Mit Unterstützung unserer beiden Übersetzerinnen Nadja Poponina (Mitte) und Svetlana Emeljanova führte uns Robert Latypov, Leiter von Jugendmemorial Perm, durch die Gedenkstätte.

(Foto: D. Carreno Hansen)

14a) У забора лагеря.

При поддержке двух наших переводчиц, Надежды Попониной (в середине) и Светланы Емельяновой, Роберт Латыпов, руководитель молодежного Мемориала в Перми, рассказывал нам о мемориальном комплексе.

(Фото: Д. Каррено Хансен)

14b) Ausstellung der Gedenkstätte, Ausschnitt.

Offizielle Dokumente, heimliche Häftlingsüberlieferungen und die hohen Häftlingszahlen besonders in der Stalinzeit legen nahe, dass es in fast jeder russischen Familie Erfahrungen mit dem System der Arbeitslager gab.

(Foto: D. Carreno Hansen)

14b) Часть выставки мемориального музея.

Официальные документы, тайная переписка заключенных и огромное количество осужденных, особенно в сталинское время, дают понять, что практически каждая русская семья так или иначе соприкасалась с системой рабочих лагерей.

(Фото: Д. Каррено Ханзен)

14c) Schlafsaal.

Die Schlafpritschen sind originalgetreue Nachbauten.

(Foto: D. Carreno Hansen)

14c) Спальный зал.

Нары сделаны по оригинальному образцу.

(Фото: Д. Каррено Хансен)

14d) Isolationszelle.

In dem Lagerbereich „für strenges Regime“ befanden sich abgesonderte Arbeitsstätten und Isolationszellen. In einer solchen Isolationszelle starb vermutlich der für den Literaturnobelpreis nominierte ukrainische Nationalpoet Vasyl Stus.

(Foto: D. Carreno Hansen)

14d) Карцер.

В лагерях «особого режима» находились изолированные рабочие комнаты и карцеры. В одном из таких карцеров погиб украинский национальный поэт Василь Стус, номинированный на Нобелевскую премию по литературе.

(Фото: Д. Каррено Хансен)

15) Gremjatschinsk – einen vergessenen Erinnerungsort kennzeichnen | Гремячинск – обозначить забытое место памяти

15a) Gremjatschinsk, Friedhof für deutsche Kriegsgefangene.

Der Ort entstand 1941 als Bergarbeitersiedlung und schrumpfte seit 1990 bis zur Schließung der Steinkohlegruben 2005. Am Rande der Gemeinde befindet sich dieser kleine deutsche Kriegsgefangenenfriedhof. Es gab an diesem Ort von 1945-47 mehrere Kriegsgefangenen-Zweiglager.

(Foto: D. Carreno Hansen)

15a) Гремячинск, кладбище немецких военнопленных.

Это место было создано в 1941 году как поселение для горнорабочих. Начиная с 1990 вплоть до закрытия шахты в 2005 году численность населения в поселке сильно сократилась.

На окраине бывшего поселения находится маленькое кладбище немецких военнопленных, которые работали на этой шахте в 1945-47 гг.

(Фото: Д. Каррено Хансен)

15b) Ein Gedenkzeichen setzen.

Als die Bergbaustadt wuchs, wurde die deutsche Kriegsgräberstätte mit einer Schule überbaut. Über den Gräbern entstand ein Schulhof. Aber auch von der Schule zeugt heute nur noch eine verfallene Ruine. Aus Überresten der Ruine fertigten wir nun ein Gedenkkreuz zur Kennzeichnung der Kriegsgräberstätte.

(Foto: D. Carreno Hansen)

15b) Установка мемориального знака.

Во время строительства поселка горнорабочих на месте кладбища немецких военнопленных была построена школа. Поверх могил находился школьный двор. Сегодня от школьного здания остались только руины. Для обозначения кладбища мы выложили на земле мемориальный крест из остатков кирпичей.

(Фото: Д. Каррено Хансен)

15c) „Warum denn ein Kreuz?“

Ein Teilnehmer berichtet: *„Wir wussten nur, dass sich hier am Rande von Gremjatschinsk eine Kriegsgräberstätte befindet. Von der Konfession der Toten hatten wir keine Kenntnis.*

Ein Kreuz jedoch, so der interkulturelle Konsens, sei allgemein als Kennzeichen eines Friedhofes verständlich. Und darum ging es uns doch hauptsächlich. Wir wollten den ehemaligen Friedhof hervorheben als einen erinnerungswürdigen Ort.“

(Foto: D. Carreno Hansen)

15c) „Почему крест?“

Один из участников комментирует: *«Мы знали только, что на окраине Гремячинска есть военное захоронение. Мы ничего не знали о религиозной принадлежности погибших.*

Крест – потому что это общепринятый символ захоронения во многих культурах. Для нас это главное. Мы хотели бывшее кладбище сделать местом памяти.»

(Фото: Д. Каррено Хансен)

15d) Friedhof, Schulruine, Gedenkkreuz.

Zwei Teilnehmer kommentieren: „Während der Arbeit auf dem Gelände stellten wir fest, dass das Material, welches für uns Bauschutt darstellte, für andere die Lebensgrundlage bedeutet. Die soziale Schere in Russland wurde hart spürbar. Unser eigener Umgang mit Ressourcen wurde uns unangenehm bewusst.“

(Foto: D. Carreno Hansen)

15d) Кладбище, руины школы, памятный крест.

Комментарии двух участников: «Во время работы на участке, мы вдруг поняли, что то, что для нас было строительным мусором, когда-то служило другим людям и было составной частью их жизни. Социальное неравенство в России стало явным. Мы вдруг отчетливо почувствовали наше собственное отношение к ресурсам.»

(Фото: Д. Каррено Ханзен)

Exkurs: „Deutsch-Russisches Kriegsgräberabkommen“ | ... „Российско-немецкое Соглашение об уходе за воинскими захоронениями“

„Deutsch-Russisches Kriegsgräberabkommen“

Am 16.12.1992 schlossen die Regierungen der Bundesrepublik Deutschland und der Russischen Föderation das Abkommen über die Kriegsgräberfürsorge. Für den Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e.V. bildet neben den Genfer Konventionen und nationalen Gesetzestexten diese bilaterale Vereinbarung die dritte rechtliche Grundlage, Gräber der Opfer von Krieg und Gewaltherrschaft auf Dauer zu erhalten.

Im §3, Absatz 1, heißt es: „Die Regierung der Bundesrepublik Deutschland und die Regierung der Russischen Föderation gewährleisten den Schutz der Kriegsgräber und das dauernde Ruherecht für die Kriegstoten der jeweils anderen Seite in ihrem Hoheitsgebiet und bemühen sich, die Umgebung der Kriegsgräberstätten von allen Anlagen freizuhalten, die mit der Würde dieser Stätten nicht vereinbar sind.“

Sowjetische Quellen erfassen für die Region Perm 35 Lager-/Laza-

rettfriedhöfe bzw. Einzelgräber mit insgesamt ca. 1.300 Grabstellen für deutsche Kriegsgefangene.¹

In Bezug auf das Kriegsgräberabkommen konnten die Teilnehmenden der deutsch-russischen Studentenbegegnungen 2011 und 2012 feststellen, dass sich die besuchten Grabstätten für deutsche Kriegsgefangene in einem mangelhaften Zustand bzgl. Pflege und baulicher Kennzeichnung befinden. Die Anlage in Sakamsk wurde bedauerlicherweise teilweise mit einem Fußballplatz überbaut. Umso erfreulicher ist die Situation für den Alten Friedhof in Dobrjanka. Die deutsche Abteilung mit 20 deutschen Kriegsgefangenenengräbern befindet sich, auch mit Hilfe der deutschen und russischen Studierenden, in einem gepflegten Zustand. Der Anfang ist gemacht!

¹ Orte des Gewahrsams von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941-1956). Findbuch. Hrsg. u.a. von der Stiftung Sächsische Gedenkstätten zur Erinnerung an die Opfer politischer Gewaltherrschaft und dem Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e.V., Dresden / Kassel 2010. S. 99ff. und 321ff.

„Российско-немецкое Соглашение об уходе за воинскими захоронениями“

16 декабря 1992 г. правительства Федеративной Республики Германия и Российской Федерации заключили Соглашение об уходе за воинскими захоронениями. Наряду с Женевскими Конвенциями и национальными законами это двустороннее соглашение стало для Народного союза Германии по уходу за воинскими захоронениями третьей правовой основой для сохранения захоронений жертв войны и тирании и ухода за ними.

В статье 3, пункт 1, говорится: «Правительство Российской Федерации и Правительство Федеративной Республики Германии обеспечивают в своих государствах защиту военных могил и вечный покой погибших в войнах с каждой из сторон и будут стремиться освободить территорию, окружающую военные захоронения, от всех сооружений, несовместимых с достойным обликом этих мест».

По советским источникам в Пермском крае насчитывается

35 кладбищ, оставшихся на местах лагерей и лазаретов а также отдельных могил, в которых похоронено примерно 1300 немецких военнопленных.¹

Согласно Соглашению о военных захоронениях участники российско-германских студенческих лагерей 2011 и 2012 проводили поисковые экспедиции и могли заметить, что захоронения немецких военнопленных находятся в плохом состоянии: могилы не ухожены и не обозначены. Так на захоронении в Сакамске, к сожалению, частично разбито футбольное поле. В этой связи особо радует ситуация на старом кладбище в Добрянке. Немецкая часть кладбища, где похоронены 20 немецких военнопленных, находится в ухоженном состоянии благодаря усилиям немецких и русских студентов. Начало положено!

¹ Места заключения немецких военнопленных в Советском Союзе (1941-1956). Книга поиска. Издана в частности Фондом Саксонского мемориала памяти жертв политической тирании и Народным союзом Германии по уходу за военными захоронениями. Дрезден/ Кассель 2010, стр.99, 321

16) Rafting – Camping – Gedankenaustausch | Слав – палаточный городок – обмен мнениями

16a) Ein schöner Moment.

Eine Teilnehmerin kommentiert:

„Ob am Lagerfeuer oder auf den Flößen, das Singen war ein treuer Begleiter. Weit weg von der Zivilisation ging es singender Weise halb treibend, halb paddelnd stromab. Als wir an der Reihe waren, mussten wir unsere russischen Freunde leider enttäuschen, denn mehr als ein paar Zeilen eines (deutschen) Liedes erinnerten wir nicht. Umso gieriger sogen wir die russischen Lieder auf, die unseren Weggefährten mit in die Wiege gelegt worden zu sein schienen.“

(Foto: H. Berthold)

16a) Чудесный момент.

Комментарий одной из участниц проекта:

«На всем пути сплава нашим верным спутником была песня. Будучи вдалеке от цивилизации, напевая, мы сплавлялись по течению реки, иногда приходилось нести катамараны на руках. К сожалению, нам пришлось разочаровать наших русских друзей, когда пришла наша очередь спеть, так как из немецких песен мы могли вспомнить только несколько строчек. Поэтому мы с огромным удовольствием слушали русские песни, которые наши попутчики пели не переставая. Нам казалось, что эти песни они впитали с молоком матери».

(Фото: Х. Бертольд)

16) Rafting – Camping – Gedankenaustausch | Слав – палаточный городок – обмен мнениями

16b) Blick vom Steilufer der Kama.

Landschaftliche Schönheit heute – an einem ehemaligen Ort der Verbannung, fernab menschlicher Siedlungen.

(Foto: D. Carreno Hansen)

16b) Вид с обрывистого берега Камы.

Красота природы сегодня – на бывшем месте изгнания, вдали от человеческого жилья.

(Фото: Д. Каррено Хансен)

16c) Ein Holzkreuz am Ufer.

Immer wieder deuten Holzkreuze am Ufer des Flusses auf verlassene Siedlungen verbannter Menschen hin. Andere sichtbare Überreste gibt es kaum. Dieser kleine Lebensraum musste gegenüber der Wildnis in mühseliger alltäglicher Arbeit behauptet werden. Nur wenige Jahrzehnte nach den Bewohnern verschwanden auch die Spuren ihrer Wohnorte.

(Foto: H. Berthold)

16c) Деревянный крест на берегу.

Деревянные кресты на берегу напоминают о ссыльных людях и поселениях, в которых они жили. Другие признаки жизни здесь едва ли можно увидеть. Это место стало пригодным для жизни лишь благодаря тяжелой ежедневной работе. Через несколько десятилетий после того, как это место было покинуто, исчезли и следы мест проживания.

(Фото: Х. Бертольд)

16d) Wassersport und Gedenkarbeit.

Ein Teilnehmer berichtet: „*Der Fluss führte wenig Wasser. Zeitweise mussten wir die Boote anheben, um sie zu schützen. Als der Fluss breit und tief wurde, konnten wir unsere Boote zusammenbinden. Wir erzählten und ließen uns treiben ...*“

(Foto: H. Berthold)

16d) Водный спорт и работа по увековечиванию памяти.

Участник сплава рассказывает: «*Местами река была мелководной. Иногда нам приходилось поднимать лодки и нести их на руках, чтобы они не испортились. Когда воды было достаточно, мы скрепляли лодки вместе по несколько штук. Нас несло течением, в этот момент мы вели разговоры...*»

(Фото: Х. Бертольд)

17) Uswa – Das einsame Tal und der Schacht | Усьва – одинокая долина и шахта

17a) Flusswanderung.

Die Flusswanderung gehört zu einem untrennbaren Teil des Programms, da die Arbeitslager oft in der Taiga untergebracht wurden, um die Flucht von Häftlingen zu verhindern.

Heutzutage können wir die Schönheit dieser Orte bewundern. Man kann sich nur schwer vorstellen, dass hier vor ein paar Jahrzehnten Tausende von Häftlingen gelitten haben.

(Foto: H. Berthold)

17a) Сплав.

Сплав является обязательной частью нашей программы, так как основная часть лагерей находилась в тайге, чтобы узникам невозможно было сбежать.

Сейчас эти места поражают нас своей красотой. Трудно представить, что несколько десятилетий назад здесь страдали тысячи людей.

(Фото: Х. Бертольд)

17b) Wohnhäuser vor der ehemaligen Schachtanlage.

In dieser Bergarbeitersiedlung lebten verbannte deutschstämmige Sowjetbürger. Links und rechts der Uswa liegen solche Siedlungen.

Der alte Schacht, in dem viele der Anwohner dieser kleinen Gemeinde selbst einst Zwangsarbeit verrichten mussten, ist im Hintergrund anhand der Abraumhalde zu identifizieren.

(Foto: H. Berthold)

17b) Жилые дома перед бывшей шахтой.

В этом горнорабочем поселении жили сосланные советские граждане немецкого происхождения. Эти поселения находятся на левом и правом берегу Усьвы.

Старую шахту, на которой подневольной работой занимались многие жители этой маленькой общины, можно увидеть на заднем плане рядом с террикоником.

(Фото: Х. Бертольд)

17) Uswa – Das einsame Tal und der Schacht | Усьва – одинокая долина и шахта

17c) Zeitzeuge Iwan Milenberg in Uswa berichtet.

Iwan Milenberg erzählt uns seine Lebensgeschichte. Er war als Russland-Deutscher in dieses Tal verbannt worden und musste Zwangsarbeit im Schacht leisten. Aber auch nach dieser Strafarbeit durfte er das Tal nicht verlassen. Zusammen mit seiner Frau hat er sich schließlich in diesem Häuschen niedergelassen. Heute lebt er hier allein.

(Foto: H. Berthold)

17c) Разговор в Усьве с очевидцем Иваном Миленбергом.

Иван Миленберг рассказывает нам историю своей жизни. Из-за того, что он является российским немцем, его сослали в эту долину, где он трудился на каторжных работах. Но и после подневольной работы ему не разрешили покинуть долину. Вместе со своей женой он в конечном итоге поселился в этом домике. Сейчас он живет здесь один.

(Фото: Х. Бертольд)

17d) Ein blaues Holzkreuz im Wald.

Eine Teilnehmerin berichtet: *„Herr Milenberg zeigte uns ein blaues Holzkreuz, hoch oben im Wald, wo eine Hand voll Deutscher Kriegsgefangener begraben sind. Es wurde von Einheimischen errichtet, um diesen Kriegsgefangenenfriedhof nicht zu vergessen. Für mich persönlich war dies eine sehr große Geste, die die Einheimischen diesen toten Soldaten erwiesen hatten und sicherlich nicht selbstverständlich, wenn man bedenkt, was deutsche Soldaten in Russland angerichtet haben.“* (Anna Markus)

Es handelt sich möglicherweise um den Friedhof Perm/Gubacha-Stadt/Uswa, 1946-49, Lager 207, Zweiglager 11, 22 Grabstellen.

(Foto: H. Berthold)

17d) Голубой деревянный крест в лесу.

Студентка Анна Маркус пишет: *«Господин Миленберг показал нам голубой деревянный крест, высоко в лесу, в этом месте захоронено несколько немецких военнопленных. Крест был сооружен местными жителями, чтобы это кладбище не было забыто. Лично для меня это является очень большим жестом, который погибшим солдатам оказали местные жители и, конечно, он не является само собой разумеющимся, если вспомнить о том, что учинили немецкие солдаты в России».*

Скорее всего, речь идет о кладбище Пермь/город Губаха/Усьва, 1946-1949, лагерь 207, лагерь-филиал 11, 22 захоронения.

(Фото: X. Бертольд)

18) „Auf den Strömen der Erinnerung ...“ | «По рекам памяти...»

18a) Der deutsche Kriegsgefangene Klaus Sasse am Ufer der Kama in Elabuga [Jelabuga], Zweiglager Kosyltau, Herbst 1945.

Sasse (*1921 - †2003) sitzt auf einem Gerüst für den Floßbau. Er machte mit seiner versteckten Minox heimlich 179 Fotos von seiner russischen Kriegsgefangenschaft. Dieses Porträt nahm sein Freund Arno Gotthart auf. *(Foto: K. Sasse)*

18a) Немецкий военнопленный Клаус Засе на берегу реки Камы в Елабуге, лагерь-филиал Кызыл Тау, осень 1945.

Засе (*1921 - †2003) сидит на каркасе плота. Он тайно сделал 179 снимков на спрятанный фотоаппарат Minox. Этот снимок тайком сделал его друг Арно Готтхарт. *(Фото: К. Засе)*

18b) Elabuga [Jelabuga], Zweiglager Kosyltau am Ufer der Kama, Herbst 1945.

Floßbauplatz am Ufer der Kama. Deutsche Kriegsgefangene bei Flößarbeiten. Dabei kam es häufig zu tödlichen Unfällen. – Ca. 400 km westlich Perm. Heimlich aufgenommene Fotos des Kriegsgefangenen Klaus Sasse, 1945.

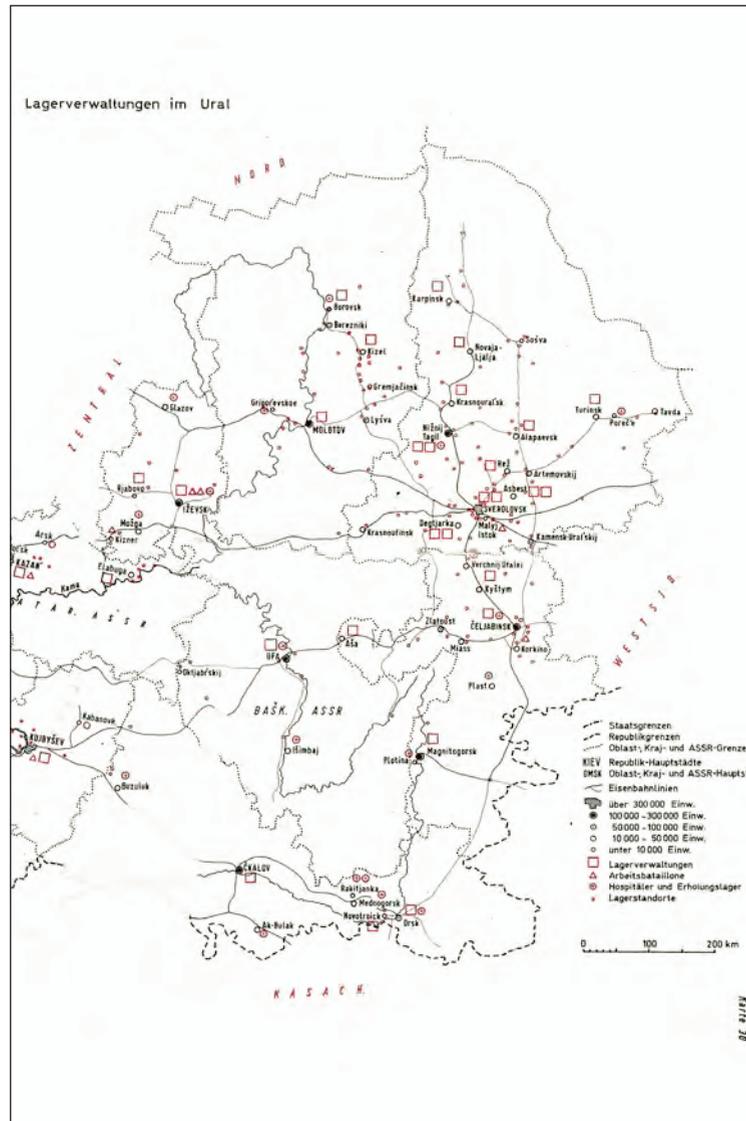
(Foto: K. Sasse)

18b) Елабуга, лагерь-филиал Кызыл Тау на берегу Камы, осень 1945.

Место строительства плотов на берегу Камы. Немецкие военнопленные на работах по сооружению плотов, часто заканчивавшихся трагически. – 400 км западнее Перми. Фотографии, тайком сделанные военнопленным Клаусом Зассе, 1945.

(Фото: К. Зассе)

18) „Auf den Strömen der Erinnerung ...“ | «По рекам памяти...»

18c) Kriegsgefangenenlager am Ural. Karte.

Standorte ehemaliger Kriegsgefangenenlager in den Regionen Wolga und Ural.

Molotov – so hieß die Stadt Perm von 1940-57 nach dem sowjetischen Politiker Wjatscheslaw Molotov (1890-1986).

Elabuga [Jelabuga] – 1945 fotografierte der deutsche Kriegsgefangene Klaus Sasse u.a. im Zweiglager Elabuga-Kosyltau an der Kama heimlich.

(Aus: Erich Maschke (Hg.): Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Band VI, München 1966, Kartenbeilage, Karten 28 u. 30 zusammengefügt.)

18c) Лагерь для военнопленных на Урале. Карта.

Места расположения бывших лагерей военнопленных в Приволжском и Уральском регионах.

Молотов – так раньше назывался город Пермь (с 1940 по 1957гг.).

Елабуга – снимки на берегу Камы в лагере-филиале Кызыл Тау, сделанные тайно в 1945 году немецким военнопленным Клаусом Зассе.

(Из книги: Эрих Машке «Об истории немецких военнопленных во время второй мировой войны», том 6, Мюнхен, 1966, приложение, карты 28 и 30.)

18) „Auf den Strömen der Erinnerung ...“ | «По рекам памяти...»

18d) Im Flusssystem der Kama.

Die Kama ist mit 1805 km der größte Nebenfluss der Wolga im europäischen Teil Russlands. Foto vom Ufer bei der Stadt Dobrjanka. Die Region ist von Holzwirtschaft, Bergbau und Industrieansiedlungen geprägt. In diesen Industrien wurden auch Kriegsgefangene und politische Häftlinge eingesetzt.

(Foto: D. Carreno Hansen)

18d) Водная система Камы.

Река Кама, протяженностью 1805 км, является самым большим притоком Волги в европейской части России.

Вид с берега у городка Добрянка. В Пермском крае очень развиты деревообрабатывающая и горная отрасли промышленности с промышленными поселениями военнопленных и политических узников, занятых в этих областях производства.

(Фото: Д. Каррено Ханзен)

19) Muis – ein ehemaliger Verbannungsort | Мыс – бывшее место ссылки

19a) Muis – ein ehemaliger Verbannungsort.

Das Holzkreuz in Muis markiert ebenfalls einen Ort, an dem einst Verbannte lebten. Das Dorf Muis besteht heute noch. Es führt eine Straße hierher und es gibt eine Bushaltestelle.

(Foto: D. Carreno Hansen)

19a) Мыс – бывшее место ссылки.

Деревянный крест в деревне Мыс напоминает еще об одном месте, в котором жили ссылки. Деревня Мыс существует до сих пор. Сюда ведет дорога и здесь есть автобусная остановка.

(Фото: Д. Каррено Хансен)

19b) Letzte Spurensuche.

In Muis endet unsere Raftingtour. Während ein Teil der Gruppe die Ausrüstung reisefertig macht, begibt sich ein anderer Teil auf Spurensuche in die Gemeinde.

(Foto: H. Berthold)

19b) Последние поиски следов.

В деревне Мыс заканчивается наш сплав по реке. В то время как первая половина группы собирает снаряжение, вторая половина отправляется на поиски информации в деревню.

(Фото: Х. Бертольд)

19c) Muis, ehemaliger Verbannungsort.

Siedlungen für Verbannte wurden gezielt in unbewohnter Wildnis angelegt – als isoliertes Siedlungsprojekt ohne Fluchtmöglichkeit. Die Kommunikation mit der Außenwelt wurde oft eingeschränkt.

(Foto: H. Berthold)

19c) Мыс – бывшее место ссылки.

Поселения для ссыльных специально определялись в необжитых местах, как изолированные поселения без возможности побега. Общение с внешним миром было очень ограниченным.

(Фото: Х. Бертольд)

19d) Gespräch mit Herrn Nillenberg, einem ehemals Verbannten.

Herr Nillenberg erzählt: „In dieser Sondersiedlung habe ich mein ganzes Leben verbracht. Wir durften uns frei in der Siedlung bewegen, und es war nicht verboten, die Siedlung zu verlassen. Nach der Ankunft haben wir die erste Zeit in einem Haus ohne Fenster und Türen verbracht. ...

Aber die Leute waren früher viel gutherziger. Wir lebten unter äußerst einfachen Bedingungen, aber wir haben einander nie im Stich gelassen.“

(Foto: D. Carreno Hansen)

19d) Разговор с господином Нилленбергом, бывшим ссылкойным.

Нилленбергом: «Я прожил в спецпоселке всю свою жизнь. Мы могли свободно передвигаться по поселку, и могли выезжать за его пределы. Первое время жили в доме без окон и дверей. ...

Но люди раньше добрее были. Хотя и плохо жили, но друг друга в беде не бросали.»

(Фото: Д. Каррено Ханзен)

20) Perm: Abschied | Пермь: прощание

20a) Abschiedsfoto.

(Foto: D. Carreno Hansen)

20a) Прощальное фото.

(Фото: Д. Каррено Хансен)

21) Nachtreffen der deutschen Studentengruppe in Weimar: Stätten der Klassik, Orte des Terrors | Встреча немецкой группы в Веймаре: центр классики, места террора

21a) Das Gartenhaus von Johann Wolfgang von Goethe. Weimar im Ilmpark, Ostseite.

Das Haus zählt seit 1992 als Teil des Ensembles „Klassisches Weimar“ zum UNESCO-Weltkulturerbe. Hier arbeitete Goethe an Dramen und Gedichten.

(Foto: F. Huneke)

21a) Садовый дом Иоганна Вольфганга Гёте в Веймаре, Ильмпарк, восточная сторона.

Дом с 1992г. является частью ансамбля «Классический Веймар» и находится под защитой ЮНЕСКО. Здесь Гёте работал над своими драмами и стихами.

(Фото: Ф. Хунеке)

21b) Verbrennungsöfen im Konzentrationslager Buchenwald.

Die Lage auf dem Ettersberg, dessen Name mit der Weimarer Klassik eng verbunden war, führte auf Veranlassung Heinrich Himmlers zur Bezeichnung „K.L. Buchenwald, Post Weimar“. So war der Name des Lagers offiziell nicht mit den Stätten der Klassik verbunden.

(Foto: F. Huneke)

21b) Печи для сжигания в концентрационном лагере Бухенвальд.

Место на горе Этtersберг, название которой тесно связано с Веймарской классикой, по приказу Генриха Гимmlера стало называться как «Концентрационный лагерь Бухенвальд, Веймарский пост». Так официально название лагеря не было связано с классикой Веймара.

(Фото: Ф. Хунекe)

21c) Vorderer Raum der getarnten „Genickschussanlage“ (Nachbau).

Auf „Kommissarbefehl“ des Oberkommandos der Wehrmacht 1941 eingerichtet, wurden hier u.a. über 8000 sowjetische Kriegsgefangene hinterrücks erschossen. Hinter der falschen Messlatte für die Körpergröße saß der Todesschütze in einem abgeteilten hinteren Raum.

(Foto: F. Huneke)

21c) Переднее помещение замаскированного устройства для выстрела в затылок (дополнительная пристройка).

По так называемому «Приказу комиссара» от главного командования вермахта, в этом помещении, обустроенном в 1941 г., выстрелом в затылок было расстреляно свыше 8000 советских военнопленных. За фальшивым устройством для измерения роста в заднем, замаскированном помещении находился стрелок, производивший выстрел в затылок.

(Фото: Ф. Хунеке)

21d) Sowjetischer Ehrenfriedhof im Ilmpark, Westseite.

1945/46 wurden hier 649 Angehörige der Roten Armee bestattet. Darunter Gefallene der 8. Gardearmee, die den opferreichen Weg von Stalingrad nach Berlin zurücklegte (nach Dressler/Klauss 1996, 174ff).

(Foto: F. Huneke)

21d) Советское кладбище в Ильмпарке, западная сторона.

В 1945-46 гг. здесь были захоронены 649 солдат Красной армии. Из них погибшие Восьмой гвардии, которые преодолели кровопролитный путь от Сталинграда до Берлина (по Дресслер/Клаусс 1996, 174с).

(Фото: Ф. Хунек)

Danksagungen an Förderer, Unterstützer und Helfer

In der Bundesrepublik Deutschland:

- Landtag des Landes Niedersachsen
- Leibniz Universität Hannover:
Historisches Seminar
Hochschulbüro für Internationales
- M. Putz / Forschungsstelle Osteuropa der Univ. Bremen
- Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e.V.
- Repräsentanz-Büro „Volga Int“/Hannover

In der Russischen Föderation:

- Memorial Moskau
- Memorial Perm
- Staatliche Hochschule für Kunst und Kulturwissenschaften, Perm
- Region Perm, Gesetzgebende Versammlung (Permskij Kraj)
- viele hilfsbereite russische Bürgerinnen und Bürger!

Übersetzungen:

Elena Eirich,
Svetlana Emeljanova, Nadja Poponina,
Elena Mitueschowa, Daria Antonowa,
Jevgenia Kruglikowa, Ksenia Kozhevnikova

Благодарим всех спонсоров, поддержавших и помощников

В Федеративной Республике Германия:

- Парламент Земли Нижняя Саксония
- Университет имени Вильгельма Лейбница (Ганновер): Исторический семинар
Бюро международных программ
- М. Путц / Отдел исследований Восточной Европы, Бременский университет
- Германский народный союз по уходу за военными захоронениями
- Представительское бюро „Volga Int“, Ганновер

В Российской Федерации:

- Общественную организацию «Мемориал», Москва
- Общественную организацию «Мемориал», Пермь
- Пермский государственный институт искусства и культуры
- Законодательное собрание Пермского края
- Граждан Российской Федерации

Перевод:

Елена Айрих,
Светлана Емельянова, Надежда Попонина,
Елена Митюшева, Дарья Антонова,
Евгения Круглкова, Ксения Кожевникова

